

РУССКІЕ НАРОДНЫЕ ЗАГОВОРЫ, ПОВѢРІЯ, СУЕВѢРІЯ И ПРЕДРАЗСУДКИ.

✖✖

СОДЕРЖАНІЕ:

Предисловіе.

1. Что такое повѣрія, суевѣрія, предразсудки и т. д. Какъ они возникли и развились. Повѣрья мошенническія.
2. Значеніе повѣрій. Вредъ отъ нихъ. Совѣты какъ противустоятъ имъ.
3. Взглядъ на нѣкоторыя суевѣрія: лѣшій, домовой, вѣдьма, русалки, оборотни и т. п.
4. О гаданіяхъ. Знахарство. Заговоръ.
5. Заговоръ отъ порѣза, заговорить кровь.—Дѣвицы отъ тоски.—Отъ задумчивости и печали.—Отъ ратнаго оружія.—Ратнаго чело-вѣка, идущаго на войну.—Моло-дого чело-вѣка на любовь дѣви-цы.— На разженіе дѣвичьяго

сердца.—На прилученіе парня.—На остуду между молодцомъ и дѣвицей.—На остуду между мужемъ и женой.—На разлученіе.—Отъ нечистой силы.—Отъ змія, летающаго къ женѣ во дворъ.—Призываніе домового на ново-селье.—Для успѣха на охотѣ.—На уженье рыбы.—Отъ пьянства.—Отъ запоя.—Отъ похмелья.—Отъ болѣзни лихорадки.—Отъ зубной боли.—Отъ грыжи и сгла-зу.— При родахъ.—Отъ всякихъ недуговъ.—Отъ болѣзни и паде-жа скота.— На торговлю.— На подходъ къ начальству.—Дѣвицъ, желающихъ выйти за мужъ.— На покражу.

МОСКВА.

Типографія Н. Н. Булгакова, Солянка, д. Волкова.

1901.

120436

РУССКІЕ НАРОДНЫЕ
ЗАГОВОРЫ,
ПОВѢРІЯ, СУЕВѢРІЯ и ПРЕДРАЗСУДКИ.

Предисловіе.

Въ предлагаемой книжкѣ мы намѣрены побесѣдовать съ читателемъ о народныхъ повѣріяхъ и предразсудкахъ.

Предметъ этотъ вовсе немаловаженъ, какъ кажется на первый взглядъ, а напротивъ, заслуживаетъ большого вниманія: если въ средѣ людей, считающихся образованными и развитыми, нерѣдкость встрѣтить лицъ, ни за что не рѣшающихся выѣхать изъ дому въ понедѣльникъ или поздороваться черезъ порогъ, то что же сказать о простолюдинѣ, вся жизнь котораго проходитъ среди ложныхъ страховъ или напрасныхъ надеждъ, порождаемыхъ суевѣріемъ.

Понятно, съ другой стороны, какъ много вредить суевѣрный человѣкъ самому себѣ, своимъ роднымъ, ближнимъ. Самыя благія начинанія правительства не разъ встрѣчали немалое затрудненіе или даже тупое сопротивленіе со стороны суевѣрной народной массы. Благодаря тому же пороку особенно трудно пастырямъ церкви вселять въ этой массѣ истинныя христіанскія понятія. Поэтому всѣми силами бороться съ этимъ общественнымъ зломъ — прямая обязанность cadaго просвѣщеннаго человѣка. Но какъ и чѣмъ съ нимъ бороться?

Давно и справедливо замѣчено, что главная причина того зла, о которомъ мы говоримъ, есть невѣжество, отсутствіе подчасъ самыхъ элементарныхъ

свѣдѣній и проистекающая отсюда невозможность составить здравое сужденіе о самыхъ обыденныхъ и простыхъ вещахъ.

Отсюда ясно, что наилучшее оружіе въ борьбѣ съ суевѣріемъ есть печатное слово. Исходя изъ этой мысли, мы и задались цѣлью показать нашимъ читателямъ весь вредъ, происходящій отъ суевѣрія, и всю нелѣпость и неосновательность наиболѣе распространенныхъ предразсудковъ.

Такова была наша задача, которую мы старались выполнить по мѣрѣ силъ. Успѣшно мы это сдѣлали или нѣтъ—предоставляемъ судить читателямъ; мы же сочтемъ себя удовлетворенными, если эта книжка побудитъ кого-нибудь изъ нихъ поглубже задуматься надъ нѣкоторыми безсознательно усвоенными съ дѣтства понятіями и отстать отъ нелѣпыхъ, вредныхъ и противныхъ христіанскому ученію предразсудковъ.

Въ концѣ книги мы помѣстили нѣкоторые наиболѣе распространенные заговоры, отчасти въ видѣ иллюстрацій къ нѣкоторымъ нашимъ положеніямъ, отчасти для удовлетворенія болѣе любознательнаго читателя, лишеннаго, однако, возможности пользоваться спеціальными сборниками, составленными учеными людьми. При этомъ мы исходили изъ мысли, высказанной Далемъ, что „самому глупому и вредному суевѣрію нельзя противодѣйствовать, если незнакомъ съ нимъ“.

Г Л А В А I.

Что такое повѣрія, суевѣрія, предразсудки.—Повѣрія „мошеническія“ и т. д.—Какъ они возникли и развились.

Предметъ, о которомъ мы хотимъ вести рѣчь, многимъ можетъ показаться ничтожнымъ и неинтереснымъ. Мы беремъ на себя смѣлость сказать и доказать, что люди, которые такъ думаютъ, глубоко заблуждаются. Ошибка эта происходитъ отъ недостаточнаго знакомства съ предметомъ. Въ нашемъ обществѣ часто употребляютъ слова: повѣріе, суевѣріе, предразсудокъ, не отдавая себѣ яснаго отчета въ ихъ значеніи. Въ самомъ дѣлѣ, не случилось ли вамъ, читатель, встрѣчать людей, которые при разсказѣ о какомъ-либо странномъ, непонятномъ событіи или явленіи, напримѣръ, о бывшемся снѣ, восклицаютъ: „Какъ можно придавать значеніе подобнымъ пустякамъ, какое суевѣріе!“ А между тѣмъ сами боятся просыпать соль, встрѣтиться со священникомъ или не въ очередь перемѣнить при сдачѣ колоду картъ.

Такая странная непослѣдовательность происходитъ отъ недостаточно разумнаго отношенія этихъ людей къ своимъ поступкамъ, отъ привычки принимать тѣ или другія слышанныя ими съ дѣтства мнѣнія на вѣру, не относясь къ нимъ критически, наконецъ, отъ непониманія того, что такое суевѣріе или предразсудокъ и откуда они происходятъ. Итакъ, мы прежде всего попытаемся опредѣлить, что надо разумѣть подъ этими словами.

Повѣріемъ мы называемъ то или другое издавна существующее въ народѣ мнѣніе, въ основательности котораго убѣждены безотчетно, которое взято на вѣру и въ такомъ видѣ передается изъ рода въ родъ. — Отсюда видно, что повѣрія не всегда бываютъ выдумкой, ложью: нѣкоторыя изъ нихъ содержатъ въ себѣ истину, другія ложны въ самомъ основаніи своемъ или вовсе безсмысленны.

Съ другой стороны, для всякаго здравомыслящаго человека очевидно, что между кошкой, перебѣжавшей вамъ дорогу, и имѣющимъ случиться съ вами несчастіемъ нѣтъ и не можетъ быть никакой связи, почему указанное повѣріе не что иное, какъ нелѣпая выдумка, не имѣющая никакого основанія—суевѣріе или предразсудокъ.

Послѣднія два слова означаютъ почти одно и то же. Разница между ними только та, что предразсудкомъ обыкновенно называютъ суевѣріе, имѣющее характеръ и смыслъ предостереженія—указанія, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать. Напримѣръ, мнѣніе, что не слѣдуетъ подавать другъ другу соли за столомъ, во избѣжаніе ссоры—есть предразсудокъ. Иныя суевѣрныя или ложныя мнѣнія имѣютъ характеръ предсказанія — тогда ихъ называютъ примѣтами. Однако, не всѣ примѣты слѣдуетъ считать за суевѣрія: очень многія изъ нихъ вполне основательны и имѣютъ свое объясненіе, особенно тѣ, которыя относятся къ предсказанію погоды. Когда ласточки начинаютъ летать низко, надъ самой землею, крестьянинъ говоритъ, что это — къ дождю. И онъ не ошибается: эти милостивыя птички спускаются къ землѣ вслѣдъ за мельчайшими насѣкомыми, которыми онѣ питаются; а эти послѣднія, въ свою очередь, передъ дождемъ опускаются внизъ, ибо верхніе слои атмосферы бываютъ тогда слишкомъ насыщены парами, легко ощутимыми для этихъ мельчайшихъ созданій. Но народъ вѣритъ въ эту примѣту такъ же безотчетно, какъ и въ то, что передъ полученіемъ денегъ чешется правая ладонь, а передъ ихъ выдачей — лѣвая, что, разумѣется, есть простая выдумка. Но случись дѣйствительно такое совпа-

леніе—и суевѣрный человѣкъ непременно вспомнить объ этой примѣтѣ и еще болѣе увѣруетъ въ нее, забывая, что онъ ежедневно по нѣсколько разъ имѣетъ дѣло съ деньгами безъ всякаго предупрежденія со стороны своихъ ладоней. Вотъ путемъ такихъ-то случайныхъ совпаденій, легко подмѣчаемыхъ суевѣрными людьми, и держатся въ народѣ самыя нелѣпыя примѣты и предрасудки. Между тѣмъ гораздо чаще случается, что дѣйствительность вовсе не оправдываетъ самыхъ „вѣрныхъ“ примѣтъ, но такъ какъ событіе, которое должно было бы случиться, не произошло, то никто и не обращаетъ вниманія на такое несоотвѣтствіе дѣйствительности съ примѣтой. Такъ суевѣрно настроенный умъ склоненъ видѣть то, чего нѣтъ, и не замѣчать того, что дѣйствительно происходитъ, вслѣдствіе чего суевѣрнаго человѣка можно назвать ненормальнымъ, больнымъ, такъ какъ его умственные способности работаютъ неправильно.

Ниже мы постараемся разяснить весь вредъ, истекающій отъ суевѣрія, для умственной и нравственной организаціи человѣка. Теперь же намъ предстоитъ отвѣтить на вопросъ, какъ возникли, развились и почему укоренились въ людяхъ различныя суевѣрія и предрасудки. Какъ ни страннымъ покажется это на первый взглядъ, но приходится сказать, что эти нелѣпыя и подчасъ вредныя заблужденія имѣютъ свой источникъ въ одномъ изъ лучшихъ и высшихъ инстинктовъ, заложенныхъ въ человѣкѣ его Творцомъ—въ инстинктѣ любознательности. Мы не ошибемся, если скажемъ, что на немъ же основывается едва ли не все благополучіе и счастье человѣчества, ибо этотъ благородный инстинктъ руководить людьми, отдающими всю жизнь наукѣ, открытіямъ и изобрѣтеніямъ, обогащающимъ человѣка, дѣлающимъ его жизнь пріятною и облегчающимъ его борьбу съ природой, съ ея грозными явленіями. Правильно понимаемый, этотъ инстинктъ приводитъ къ наукѣ, искаженіе же его рождаетъ предрасудки и суевѣрія. Въ самомъ дѣлѣ, все, что для человѣка кажется загадочнымъ, страннымъ или по-

ражаешь его новизной, онъ, повинаясь этому инстинкту, старается объяснить, изслѣдовать, поставить въ связь съ другими, болѣе понятными или знакомыми ему явленіями въ природѣ или въ его собственной душевной жизни. Съ другой стороны, чѣмъ менѣе человѣкъ развитъ, чѣмъ бѣднѣе его запасъ научныхъ свѣдѣній, тѣмъ шире для него кругъ непонятнаго, загадочнаго и въ то же время тѣмъ менѣе у него средствъ объяснить и правильно понять это загадочное. Мы давно уже знаемъ, что гроза — молнія и громъ — не что иное, какъ электрическое явленіе, электрическій разрядъ, происходящій между двумя облаками или между облакомъ и какимъ-нибудь земнымъ предметомъ,—и не только знаемъ, но до нѣкоторой степени умѣемъ даже предотвращать гибельныя послѣдствія этого грознаго явленія природы устройствомъ громоотводовъ. — Но представимъ себѣ первобытнаго человѣка, этого жалкаго, безпомощнаго, едва прикрытаго звѣриными шкурами дикаря, бѣднаго умомъ и познаніями, какими были наши предки за много тысячелѣтій до нашихъ дней. Могъ ли онъ объяснить указанное явленіе иначе, какъ дѣйствіемъ какого-то всеильнаго, разгнѣваннаго существа, духа, обитающаго на облакахъ, передъ которымъ надо падать ницъ, котораго необходимо надо умиловить молитвой и жертвами, чтобы онъ во гнѣвѣ своемъ не поразилъ слабого человѣка своей мощной стрѣлой — молніей. Такъ является первоначальная религія, состоявшая въ почитаніи силъ и явленій природы, какъ бы живыхъ и могущественныхъ существъ, которыми населены небо, земля, вода, поля и лѣса.

Отсюда-то, изъ почитанія этихъ различныхъ языческихъ божествъ, и произошло вѣрованіе въ существованіе домашнихъ, вѣдьмъ, русалокъ, лѣшнихъ, а также въ таинственную силу заклинаній, или, какъ теперь называютъ, заговоровъ, произносимыхъ нѣкогда жрецами, т. е. людьми, управлявшими во времена язычества религіозными, богослужебными дѣлами. Если читатель потрудится просмотрѣть нѣсколько заговоровъ, приведенныхъ здѣсь въ видѣ прибавленія, онъ

увидить, что въ нихъ до сей поры, рядомъ съ христіанскими понятіями, попадаются странныя, мало понятныя слова или обращенія, сохранившіяся со временъ языческихъ. Прежнее вѣрованіе въ способность жрецовъ, съ помощію боговъ, исцѣлять болѣзни, сохранилось до нашихъ дней въ видѣ вѣрованія въ колдуновъ, знахарей и знахарокъ.

Обо всемъ этомъ будетъ болѣе подробно сказано ниже; здѣсь же мы только хотѣли указать общій источникъ различныхъ повѣрій. Источникъ этотъ есть любознательность, не находящая себѣ правильнаго удовлетворенія по причинѣ невѣжества и укоренившейся привычки довольствоваться самыми нелѣпыми объясненіями, принятыми на вѣру, „на слово“, безъ самостоятельнаго изслѣдованія и изученія предмета. Само собою разумѣется, что все, что мы говоримъ сейчасъ, есть только самое общее указаніе на причину происхожденія повѣрій и предразсудковъ. Но они столь многочисленны и разнообразны, что одного этого общаго указанія было бы недостаточно: слѣдуетъ нѣсколько ближе ознакомиться съ происхожденіемъ повѣрій, чтобы лучше знать истинную цѣну многихъ изъ нихъ, и чтобы читателю было болѣе ясно послѣдующее изложеніе.

Вопросъ о происхожденіи повѣрій вовсе не такъ простъ, какъ это можетъ казаться. Однако, многое въ этой области сдѣлалось уже яснымъ благодаря трудамъ и изслѣдованіямъ ученыхъ любителей старины. Какъ видно изъ предыдущаго, повѣрія идутъ изъ стари, съ незапамятныхъ временъ языческихъ, но многія изъ нихъ исчезаютъ, частью потому, что вымираютъ, т. е. забываются народомъ, частью потому, что люди становятся все развитѣе и, проникаясь христіанскимъ ученіемъ и обогащаясь научными познаніями, перестаютъ придерживаться прежнихъ предразсудковъ, теряя въ нихъ вѣру. Поэтому любители старины, люди ученые, записываютъ ихъ въ особые сборники, чтобы сохранить ихъ отъ исчезновенія, сравниваютъ повѣрія разныхъ народовъ между собою и, находя въ нихъ много общаго, объясняютъ это ихъ общимъ

происхожденіемъ еще въ тѣ стародавнія времена, когда какіе-либо два или нѣсколько народовъ жили еще вмѣстѣ, какъ одно племя. Главное же стараніе ученыхъ направлено къ разъясненію того, какъ именно возникли и какимъ путемъ передавались и сохранились повѣрія. Однако, такое изученіе началось еще не такъ давно, и много здѣсь еще неизвѣстнаго и непонятнаго даже для ученыхъ специалистовъ. Поэтому мы не обѣщаемъ читателю подробнаго разсмотрѣнія отдѣльных повѣрій, и раздѣлимъ ихъ, по ихъ происхожденію, на нѣсколько большихъ группъ.

Прежде всего огромное множество повѣрій и предрассудковъ представляютъ собою, какъ уже объяснено выше, остатокъ и какъ бы памятникъ язычества. Эти повѣрія, начало которыхъ теряется въ самыхъ отдаленныхъ временахъ и часто не можетъ быть даже разыскано учеными людьми, сохраняются однако, хотя и въ искаженномъ видѣ, въ памяти людей и держатся въ народѣ въ силу простой привычки, которая, какъ говорится, составляетъ „вторую натуру“—особенно у людей недалекихъ и неразвитыхъ. Такіе люди не только не склонны отставать отъ старыхъ заблужденій, но обыкновенно даже оказываютъ сопротивленіе при всякой попыткѣ упразднить какой-либо старій, хотя и бессмысленный, обычай.

Къ такого рода повѣріямъ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ язычеству, относится вѣрованіе въ русалокъ, домовыхъ, вѣдьмъ и другихъ фантастическихъ существъ, якобы обитающихъ въ водѣ, въ домахъ, лѣсахъ. Язычники не знали единого истиннаго Бога, а поклонялись силамъ природы, отъ которыхъ зависѣла вся судьба ихъ, такъ какъ они еще не умѣли бороться съ грозными явленіями природы. По ихъ понятіямъ, громъ и молнію, дождь и ведро, бурю или затишье посылаетъ то или другое божество, изъ которыхъ каждое вѣдало какое-либо явленіе въ природѣ и управляло имъ. Такимъ образомъ, божествъ было великое множество: рѣки, лѣса, поля, горы—все это, по понятію древнихъ людей, было населено богами. Въ этихъ боговъ вѣровали и наши предки—

славяне, пока были язычниками, т.-е. пока не приняли христианства, крестившись по примѣру своего князя св. Владимира. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе тысячи лѣтъ — и что же? Никто изъ русскихъ людей не назоветъ себя язычникомъ, всякій устыдился бы этого прозвища, а между тѣмъ мало ли у насъ людей, которые и по сіе время продолжаютъ вѣрить въ существованіе вѣдьмъ, русалокъ и домовыхъ, хотя и не считаютъ ихъ богами. Такъ, къ стыду нашему, сильна надъ нами привычка, и такъ мало мы прилагаемъ заботы къ тому, чтобъ сдѣлаться истинными христианами!

Хотя начало всевозможныхъ повѣрій лежитъ въ глубокой древности, однако далеко не всѣ они образовались во времена языческія и далеко не всѣ связаны съ языческой религіей. Нныя повѣрія были нарочно придуманы, чтобы этимъ путемъ воздѣйствовать на невѣжественный или по малолѣтію еще неразвитый умъ, запугать или, наоборотъ, прельстить чѣмъ-нибудь съ цѣлью заставить его сдѣлать желаемое или, наоборотъ, воздержаться отъ какого-либо поступка. Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ, на примѣръ, повѣріе, что не слѣдуетъ чрезъ мѣру хвалить ребенка, чтобы, чего добраго, не „сглазить“ его. Относительно этой вѣры въ „сглазъ“ слѣдуетъ сказать, что она очень распространена не только у насъ, но и у многихъ другихъ народовъ; многія лица даже изъ образованнаго общества, считая нужнымъ смѣяться надъ этимъ суевѣріемъ, тайнѣ придерживаются его — особенно при игрѣ въ карты. И несомнѣнно, что они не совсѣмъ заблуждаются: наука допускаетъ, что есть люди, одаренные еще не вполне изученною и понятою способностью силою слова и даже взгляда воздѣйствовать на душу другого существа, особенно къ тому расположеннаго. Но дѣло въ томъ, что подобные случаи въ обыденной жизни крайне рѣдки, и изъ тысячи случаевъ, о которыхъ вы можете услышать отъ любой деревенской бабы, пожалуй, найдется одинъ, гдѣ дѣйствительно проявилась эта таинственная сила; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ дѣйствовали другія, самыя обычныя, но неизвѣстныя, однако, простолудину причины. Такъ.

народъ почти всѣ нервныя болѣзни какъ-то: падучую, истерику, помѣшательство — называетъ порчей и приписываетъ сглазу недобрыхъ людей, и даже знаетъ противъ этого зла особые *„дѣла“*, которые читатель найдетъ въ прибавленіи, сдѣланномъ въ концѣ книги. Итакъ, врядъ ли нужно еще доказывать, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ вѣрованіе въ сглазъ оказывается вздорной выдумкой, позорящей человѣка и обнаруживающей его умственное убожество. Однако, возвращаясь къ нашему примѣру, скажемъ, что не совсѣмъ напрасно придумали стращать сглазомъ гостя, расточающаго черезчуръ усиленныя похвалы дѣтямъ. Всѣмъ извѣстно, какъ такія похвалы, произносимыя въ обществѣ, балуютъ и портятъ дѣтей. Только въ этой порчѣ нѣтъ никакого „сглаза“: просто чрезмѣрныя похвалы, порождая въ дѣтяхъ самомнѣніе, хвастливость и заносчивость, портятъ ихъ характеръ. Объяснять это гостю было бы неудобно, а для темнаго человѣка и мало вразумительно, оттого и придумали говорить ему: „не хвалите, а то сглазите!“ Такимъ-то простымъ и естественнымъ путемъ возникло это повѣріе, поддерживается же оно тѣмъ, что суевѣрные люди склонны усматривать какую-то таинственную связь между похвалой и случившейся вслѣдъ за ней неудачей. А между тѣмъ — сколько похвалъ и поздравленій по поводу успѣха въ томъ или другомъ дѣлѣ приходится слышать тому же суевѣрному человѣку — безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, но онъ этого не замѣчаетъ и продолжаетъ боязливо избѣгать похвалъ!

Здѣсь умѣстно будетъ указать еще нѣсколько повѣрій, которыя, подобно только что упомянутому, произошли изъ желанія воздѣйствовать на неразумнаго человѣка, отъ котораго инымъ, болѣе прямымъ путемъ иногда трудно бываетъ добитьсяжелаемаго. „Муха во щи залетѣла — ничего: это къ счастью“, говорятъ для успокоенія слишкомъ брезгливыхъ людей или въ видѣ извиненія со стороны хозяевъ, допустившихъ появленіе мухи въ тарелкѣ. Нужно ли говорить, что между этой шальной мухой и человѣческимъ счастьемъ не можетъ

быть никакой связи. — Когда въ обществѣ, послѣ оживленной бесѣды, вдругъ случайно водворяется молчаніе, принято говорить: „тихий ангелъ пролетѣлъ“ или „становой родился“. И то и другое замѣчаніе одинаково нелѣпы, а первое — мѣ того, и грѣшно, потому что непристойно упоминать о священныя предметахъ или лицахъ все, для краснаго словца. Говорить же это по неумѣнію сказать что-либо болѣе путное и изъ желанія прервать неловкое молчаніе. Но не лучше ли столь ненаходчивымъ людямъ молчать, чѣмъ говорить глупости или богохульствовать! Впрочемъ, приводимое сейчасъ относится скорѣе къ области поговорокъ, нежели повѣрій, потому что трудно допустить, чтобы кто-нибудь, произнося эти слова, вѣрилъ въ то, что говорить. Но вотъ еще примѣръ. Существуетъ примѣта: „кто ѣстъ хлѣбъ съ плѣсенью — будетъ хорошо плавать“. Подобнаго рода повѣріе, конечно, могло возникнуть изъ желанія воздѣйствовать на дѣтское прівередство или пріхотливость. Для легковѣрнаго ребенка подобное обѣщаніе несравненно дѣйствительнѣе, нежели длинная натація и укоризны.

Такимъ образомъ, нѣсколько разобранныхъ примѣровъ приводятъ насъ къ тому заключенію, что инныя повѣрія могутъ возникать просто изъ желанія сильнѣе повліять на человѣка и заставить его дѣйствовать согласно съ нашими желаніями такъ какъ страхъ или обольщеніе сильнѣе дѣйствуютъ на человѣка, нежели пространныя разсужденія, да, кромѣ того, избавляютъ отъ скучныхъ опроверженій и споровъ.

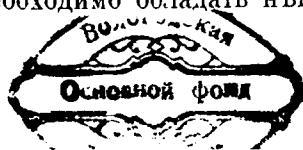
Подобнаго рода повѣрія могутъ быть изобрѣтаемы и изъ безнравственныхъ, корыстныхъ видовъ, изъ желанія обратить легковѣріе ближняго въ свою пользу. Такихъ „мошенническихъ“ повѣрій у насъ довольно много и, къ сожалѣнію, они до сихъ поръ пользуются авторитетомъ, между тѣмъ какъ, казалось бы, противъ нихъ особенно нужно было бы бороться, ибо здѣсь суевѣріе и невѣжество соединены съ обманомъ и шарлатанствомъ. Сюда прежде всего нужно отнести знахарство, гаданіе, снотолкованіе, и проч., которыя, возникнувъ во

времена язычества, въ наше время поддерживаются, благодаря невѣжеству народа, разными шарлатанами съ цѣлью выманивать деньги у легковѣрныхъ людей. Помимо указанныхъ много другихъ суевѣрій поддерживается изъ тѣхъ же побужденій. Укажемъ, напримѣръ, на вѣрованіе, что домовый имѣетъ особое пристрастіе къ лошадямъ: если лошадь ему не нравится, таскаетъ за уши, путаетъ гриву въ колтунъ, развѣзжаетъ на ней по ночамъ и къ утру приводитъ всю въ мыль. Подобнаго рода выдумки не что иное, какъ измышленія кучеровъ и конюховъ, пользующихся суевѣріемъ хозяевъ, чтобы прикрывать свое недобросовѣстное отношеніе къ дѣлу и свои ночныя прогулки съ возлюбленными—на хозяйскихъ лошадяхъ. По этому поводу В. Даль рассказываетъ слѣдующій случай: „Кучеръ требовалъ однажды отъ барина, чтобы непременно обмѣнять лошадь на другую, у знакомаго барышника, увѣряя, что эту лошадь держать нельзя—ее домовый не взлюбилъ и изводитъ. Когда же баринъ, несмотря на всѣ доводы кучера, не согласился, а кучеру не хотѣлось потерять обѣщанные могоарычи, то лошадь точно вдругъ взбѣсилась, не вынеся мукъ домового, и околѣла. Оказалось, что кучеръ насыпалъ ей дробь въ ухо; а такъ какъ у лошади ушной проходъ устроенъ такимъ изворотомъ, что дробь не можетъ высыпаться обратно, то бѣдное животное и должно было пасть жертвою злобы мнимаго домового“.

Со всѣмъ тѣмъ, не мало на Руси повѣрій, основанныхъ на наблюденіи, на опытѣ и потому содержащихъ въ себѣ несомнѣнную истину. Такія убѣжденія, возникшія вслѣдствіе тонкой народной наблюдательности, все-таки остаются повѣріями, потому что не содержатъ въ себѣ никакого разъясненія правильно, хотя и безсознательно подмѣченнаго факта. Такія повѣрія заслуживаютъ самаго внимательнаго изученія и научнаго объясненія въ случаѣ ихъ состоятельности. Къ такого рода повѣріямъ слѣдуетъ отнести народныя лѣкарственныя средства, изъ которыхъ многія въ настоящее время приняты медицинской наукой и цѣлебное свойство ихъ нашло

себѣ объясненіе. Среди такихъ повѣрій, содержащихъ въ себѣ истину, хотя бы и безсознательно усвоенную, особенно много примѣтъ хозяйственныхъ и относящихся къ предсказанію погоды. Всѣ сельскіе хозяева и мясоторговцы, которымъ приходится заготавливать солонину въ большихъ количествахъ, знаютъ по опыту, что если приготовить ее во время полнолунія, то она очень скоро портится. Мы не беремся объяснить этого явленія, но почему не допустить, что луна и другія небесныя тѣла могутъ оказывать нѣкоторое вліяніе на состояніе земной атмосферы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на иные продукты, легко подвергающіеся порчѣ. Сельскіе хозяева увѣряютъ также, что хлѣбъ, выпеченный въ періодъ цвѣтенія хлѣба на корню, легко зацвѣтаетъ, т. е. плѣсневетъ, что и самимъ намъ приходилось наблюдать, живя въ деревнѣ, и что объясняется, на нашъ взглядъ, особымъ размноженіемъ въ этомъ періодѣ лѣта, подъ вліяніемъ состоянія атмосферы, плѣсневыхъ грибовъ. Существуетъ также повѣріе, что во время цвѣтенія хлѣба быстро портится вино, что въ эту пору нельзя бѣлить холстовъ и что пятна краснаго вина быстрѣе отмываются со столоваго бѣлья. Все это очень возможно, хотя еще и не объяснено вполне наукой. У крестьянъ есть примѣта, что если хлѣбъ начинаетъ зацвѣтать снизу, то онъ будетъ дешевле, если же сверху, то—дорогѣ. Другими словами—здоровый и хорошій колосъ зацвѣтаетъ обыкновенно снизу: тогда можно рассчитывать на урожай и, слѣдовательно, на дешевизну хлѣба. Эти нѣсколько примѣровъ, какъ нельзя лучше доказываютъ, что нѣкоторыя повѣрія, примѣты чужды всякаго вымысла, а основаны на простой наблюдательности. Не надо только забывать, что такихъ повѣрій меньшинство и что къ каждому вообще слѣдуетъ относиться критически. Такъ, по народному „наблюденію“ оказывается, что рыжая корова, идущая впереди стада, предвѣщаетъ вѣдро, а черная—непогоду. Едва ли нужно доказывать, что подобная примѣта—рѣшительно ни на чемъ неоснованный предразсудокъ, доказывающій только то, что необходимо обладать нѣкоторымъ

Повѣрія и предразсудки.

умственнымъ развитіемъ даже для того, чтобы сумѣть сдѣлать правильное наблюденіе; неразвитой же умъ склоненъ возводить въ законъ всякую случайность.

Многія повѣрья тѣсно связаны съ народною поэзіей и въ ней имѣють свое начало. Эта поэзія въ древнія времена была проникнута фантастическимъ элементомъ и связана съ языческой религіей. Во времена христіанскія эта поэзія была забыта, но отрывки ея сохранились въ народной памяти въ формѣ обрядовъ, игръ и повѣрій. Игры на Ивана Купалу, колядованіе на Рождество, Семикъ и проч.—все это обряды, имѣющіе языческое происхожденіе, но народъ, по своему невѣжеству, до сей поры считаетъ нужнымъ соблюдать всѣ эти обычаи. Подобнымъ же образомъ и поэтическія фантазіи, будучи полузабытыми, даютъ начало повѣрямъ. Нѣкогда существовало поэтическое преданіе, что ласточки предостерегали своимъ крикомъ Спасителя отъ Его преслѣдователей, а воробы, наоборотъ, предали Его, крича: „живъ, живъ“; за это у нихъ были связаны ноги, такъ что они не могли бѣжать, а только прыгали. Ласточки же, по преданію, уносили у римлянъ гвозди, коими хотѣли пригвоздить Христа, а воробы опять приносили ихъ. Такъ народная фантазія поэтическими чертами украшала великія для каждаго христіанина событія священной исторіи. Впослѣдствіи народъ забылъ о томъ, что подобныя преданія — только поэтическіи вымыслы, и сталъ принимать ихъ на вѣру. Отсюда и образовалось ложное убѣжденіе, что грѣшно бить ласточекъ или разорять ихъ гнѣзда, по отношенію же къ воробьямъ подобный поступокъ не составитъ грѣха. На самомъ дѣлѣ, разумѣется, и то и другое одинаково грѣшно и безжалостно. На основаніи того же преданія образовалось повѣріе, что на Говѣщеніе птица не вьетъ гнѣзда, „кромѣ окаяннаго воробья, который не знаетъ праздникова“. Простой поэтическій вымыселъ представляетъ изъ себя также очень распространенное повѣріе, что въ день Благовѣщенія и Свѣтлаго Воскресенія „солнышко играетъ отъ радости“. Это мнѣніе объа-

сняется также тѣмъ, что если долго смотрѣть прямо на солнце, то отъ нестерпимаго блеска оно можетъ показаться играющимъ, особенно для человѣка, который увѣренъ въ томъ, что это дѣйствительно бываетъ, и къ тому же не совсѣмъ трезвъ, что, къ сожалѣнію, такъ обыкновенно у насъ въ праздничные дни! Паденіе звѣзды, наблюдаемое часто на темномъ осеннемъ небѣ, народъ объясняетъ тѣмъ, „что то ангель полетѣлъ—взять душу умершаго“. Если задумать что-нибудь въ это время, то ангель не откажетъ въ исполненіи этого желанія. Подобное повѣріе тоже не болѣе, какъ простая фантазія, вымыселъ, хотя не лишенный поэзій.

Иныя повѣрія обязаны своимъ происхожденіемъ раскольникамъ, но невѣжественный людъ, не подозрѣвая объ ихъ происхожденіи, смотритъ и на нихъ, какъ на непреложную истину. Такъ, раскольники увѣряютъ, что, остригши ногти, нало ихъ собрать въ одно мѣсто и сохранять: на томъ свѣтѣ-де придется лѣзть на высокую гору, и ногти тутъ пригодятся. Что можетъ быть нелѣпѣе подобной выдумки, а между тѣмъ и до сей поры многіе, даже и не раскольники, придерживаются этого обычая. Иныя изъ этихъ раскольничьихъ повѣрій представляютъ простую игру словъ. Хотѣли хоть какъ-нибудь осудить и осмѣять противныя раскольникамъ и старообрядцамъ новшества, какъ-то: куреніе, питье чаю, кофе и проч., откуда и возникли повѣрія: „кто пьетъ чай, отчаивается отъ Бога“, „кто пьетъ кофе, налагаетъ ковъ на Христа“; хмель и табакъ произросли, по понятію раскольниковъ, на могилѣ извѣстной блудницы—хмель изъ головы, а табакъ изъ чрева.

Множество повѣрій и примѣтъ произошло отъ какого-либо достопамятнаго евангельскаго или историческаго событія. Не садиться по 13 человѣкъ за столъ, не подавать другъ другу соли—повѣрія, очевидно, напоминающія собою Тайную вечерю и поведеніе Іуды. Сами же по себѣ эти примѣры, конечно, не имѣютъ никакого смысла.

Наконецъ, немало найдется повѣрій, происхожденіе и смыслъ которыхъ неясны или относительно которыхъ можно съ увѣренностью сказать, что въ нихъ нельзя даже и искать никакого смысла. Какимъ образомъ, на примѣръ, могутъ предвѣщать бѣду солнечное затменіе или кометы, появленіе которыхъ можетъ быть предсказано учеными людьми за любое число лѣтъ. Но эти явленія рѣдки и по своей величественности способны внушить невѣжественному человѣку сусвѣрный ужасъ. Вотъ единственное объясненіе этого повѣрія. Но на чемъ основывается убѣжденіе, что изъ новобрачныхъ будетъ первенствовать въ жизни тотъ, кто первый во время вѣнчанія ступить на подножіе, или что пожаръ, случившійся отъ грозы, надо заливать парнымъ молокомъ отъ черной коровы. Почему—молокомъ и зачѣмъ непремѣнно отъ „черной“ коровы—этого, читатель, мы полагаемъ никто не сумѣетъ намъ объяснить. А вѣдь подобныхъ примѣтъ и „вѣрныхъ“ средствъ мы могли бы привести не одинъ десятокъ, если бы позволяли размѣры этой книжки и была бы въ томъ надобность. Но мы думаемъ, что читатель достаточно уже уяснилъ себѣ нашу точку зрѣнія на этотъ предметъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдился, что вопросъ, который мы затронули въ этой книжкѣ, не только интересенъ, ибо даетъ богатую пищу для размышленія, но и важенъ для всякаго, кто хочетъ быть просвѣщеннымъ человѣкомъ и истиннымъ христіаниномъ.

Г Л А В А II.

Значеніе повѣрій.—Вредъ отъ нихъ.—Совѣты, какъ противостоятъ имъ.

Убѣдившись изъ предыдущаго изложенія въ томъ, насколько неразумны и неосмысленны тѣ начала, на которыхъ основываются всевозможныя повѣрія, читатель въ правѣ будетъ спросить насъ: какимъ же образомъ эти повѣрія могли существовать цѣлыя столѣтія и пользоваться авторитетомъ истины, властвуя надъ умами и поступками людей, другими словами—отчего люди такъ дорожатъ этими преданіями старины, отчего они такъ суевѣрны? Мы постараемся отвѣтить читателю на этотъ вопросъ. Мы утверждаемъ прежде всего, что суевѣріе вовсе не есть врожденное свойство человѣческой природы; это есть не болѣе, какъ дурная привычка нашего ума, результатъ невѣжества и болѣе всего—плохого воспитанія. Мы не ошибемся, если скажемъ даже, что воспитаніе играетъ здѣсь огромную, первенствующую роль. Вѣдь если даже допустить, что иной ребенокъ родится съ особенною склонностью ко всему вымышленному, чудесному, фантастическому, то развѣ нельзя противодѣйствовать его чрезмѣрной фантазій или по крайней мѣрѣ направлять ее въ лучшую сторону, вмѣсто того, чтобы населять его и безъ того пылкое воображеніе образами домовыхъ, вѣдьмъ, привидѣній и всякой другой нелѣпности. Очень часто родители могутъ замѣтить преобладаніе въ ребенкѣ воображенія и фантазій надъ разсудкомъ, что выражается въ задумчивости, разсѣянности, любви къ одиночеству, чрезмѣрной пугливости,—боязни темныхъ комнатъ и неизвѣстныхъ предметовъ, въ стремленіи къ вымыслу, преувеличеніямъ, въ легкой увлекаемости и впечатлительности. Если родители замѣчаютъ подобнаго

рода особенности въ характерѣ своего ребенка. они должны употребить всѣ старанія, чтобы искоренить въ немъ эти недостатки. Для этого нужно почаще окружать такого ребенка обществомъ веселыхъ, здоровыхъ сверстниковъ, мѣшать ему уединяться и предаваться несвойственнымъ его возрасту мечтамъ. Полезно направлять его интересы на обыденные, окружающіе его предметы, на хозяйственныя занятія, на жизнь животныхъ, насѣкомыхъ, растеній, постараться возбудить въ немъ интересъ къ изученію этого дѣйствительнаго, а не фантастическаго міра. Наоборотъ, слѣдуетъ удалять отъ него все, что можетъ еще болѣе усилить его природныя наклонности, какъ-то: чтеніе волшебныхъ сказокъ, рассказы про домовыхъ, русалокъ, привидѣнія и т. д. Наконецъ, въ болѣе позднемъ возрастѣ можно заинтересовать такого ребенка посылками ему литературными занятіями. Извѣстно, какъ любятъ нѣкоторые дѣти средняго возраста пробовать свои силы въ сочиненіи рассказовъ, стиховъ, рукописнаго семейнаго журнала. Подобнаго рода литературныя занятія представляютъ прекрасный выходъ и полезное примѣненіе для природной склонности дѣтей къ вымысламъ, фантазій,—склонности, до извѣстной степени свойственной всѣмъ дѣтямъ.

Такимъ образомъ въ рукахъ разумныхъ родителей есть много способовъ противодѣйствовать тому злу, о которомъ мы говоримъ. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности бываетъ далеко не такъ: очень мало родителей, которые считают своею обязанностью такъ тщательно слѣдить за ходомъ развитія своихъ дѣтей. Большинство довольствуется лишь общимъ надзоромъ надъ ними, стремясь только къ тому, чтобы дѣти были сыты, одѣты и не слишкомъ „капризничали“, полагая, что всякія недостатки въ характерѣ или странности въ умственномъ складѣ ребенка сами собою выравниваются съ лѣтами, и забывая, что недостатки, замѣчаемые въ дѣтствѣ, обыкновенно не только не „выравниваются“ въ зрѣломъ возрастѣ, а наоборотъ, съ лѣтами укрѣпляются, превращаясь въ настоящіе пороки или уродства. Нѣтъ ничего пагубнѣе этого за-

блужденія, которое приводитъ къ тому, что обезпеченные въ матеріальномъ отношеніи родители вовсе не считаютъ предосудительнымъ предаваться свѣтской жизни и развлеченіямъ, почти по цѣлымъ днямъ оставляя дѣтей своихъ на рукахъ нянекъ. Вотъ почему у насъ суевѣрны даже люди, выросшіе въ довольствѣ и получившіе образованіе: вѣдь ихъ воспитывали тѣ же невѣжественныя и суевѣрныя няньки, а роль родителей сводилась лишь къ доставленію матеріальныхъ средствъ и удобствъ жизни. Не слишкомъ ли много мы заботимся объ этихъ удобствахъ, не слишкомъ ли небрежны и невнимательны мы къ душевной жизни ребенка, къ его умственнымъ и нравственнымъ запросамъ!

Конечно, то, что мы говоримъ сейчасъ, относится лишь къ родителямъ болѣе или менѣе обезпеченнымъ, которымъ дана, къ сожалѣнію, матеріальная возможность путемъ найма нянекъ уклоняться отъ добросовѣстнаго исполненія своихъ родительскихъ обязанностей. Здѣсь мы должны оговориться: мы вовсе не считаемъ присутствіе няньки излишнимъ или вреднымъ; мы только возстаемъ противъ вліянія ея на умственное и нравственное развитіе ребенка, чего легко избѣжать при умѣнии, а главное, при искренномъ желаніи родителей. Этимъ людямъ недостаетъ только яснаго сознанія того вреда, который они приносятъ своимъ дѣтямъ невнимательнымъ отношеніемъ къ ихъ воспитанію. Разъ же этотъ вредъ будетъ исполнѣнъ сознанъ, имъ легко будетъ устранить его, такъ какъ или сами они обладаютъ достаточнымъ развитіемъ или же имѣютъ достаточно средствъ, чтобы поручить дѣло воспитанія лицу, что-либо смыслящему въ немъ.

Но что сказать о семьяхъ, гдѣ родители—люди темные, не получившіе правильнаго образованія, да къ тому же еще и матеріально не обезпеченные, а такихъ—значительное большинство! Въ такой средѣ, кажется, дѣлается все возможное къ тому, чтобы изъ ребенка образовался человѣкъ, насквозь пропитанный дикими предразсудками и суевѣріями. Въ самомъ дѣлѣ, еще находясь въ утробѣ матери, онъ уже дѣ-

лается предметомъ суевѣрныхъ опасеній, ни на чемъ не основанныхъ надеждъ и т. д. Будущая мать тщательно избѣгаетъ взглянуть на все, что поражаетъ своимъ безобразіемъ, чтобы ребенокъ ея не родился оттого уродомъ, боится сама заготавливать бѣлье для младенца, такъ какъ увѣрена, что въ противномъ случаѣ онъ будетъ недолговѣченъ, ходитъ къ ворожеѣ гадать о будущности своего ребенка, платя ей послѣдніе гроши. Но вотъ ребенокъ появился на свѣтъ. Тутъ для него начинаются настоящія мученія: его до шести недѣль никому не показываютъ, кутають, никуда не выносятъ, чтобы кто-нибудь его не „сглазить“. Если же какой недогадливый и „невоспитанный“ гость, увидѣвъ его случайно, похвалить, желая польстить матери, та, во избѣжаніе „сглаза“, считаетъ непремѣннымъ долгомъ своимъ три раза облизать языкомъ личико малышки и столько же разъ сплюнуть на землю. Наконецъ, пришло время дать имя младенцу. Тутъ нужно бѣжать за ворота и спрашивать перваго встрѣчнаго, какъ его зовутъ и сообразно съ этимъ давать имя ребенку, иначе онъ не будетъ счастливъ. До нѣкотораго времени стараются скрывать данное новорожденному имя, замѣняя его другимъ, чтобы колдунъ не „испортить“ или не превратить ребенка въ оборотня. Стричь ребенка нельзя до году, и при томъ только разъ въ годъ, непремѣнно въ Великій Четвертокъ. Если дитя чего-либо испугалось, съ него сейчасъ же стягиваютъ рубашонку и надѣваютъ ее задомъ напередъ. Худо будетъ нашему малыгѣ, если онъ вздумаетъ раскричаться: тутъ его схватываютъ, относятъ подъ напестъ и, напентавъ надъ нимъ заговоръ, перевертываютъ черезъ голову и даютъ пить теплую воду съ маковыми зернами. При нѣкоторыхъ болѣзняхъ его „перепекають“, т. е. сажаютъ на лопату и трижды всовываютъ, наскоро, въ затопленную печь. Но вотъ нашъ ребенокъ впервые становится на ножки,—тотчасъ мать или другая женщина схватываютъ ножъ и торопятся поскорѣе провести имъ по полу между ступней ребенка, чтобы разрѣзать невидимыя нуты и разрѣшить нехождение, при

чемъ эта процедура часто сопровождается порѣзомъ пальцевъ ребенку. Если ребенокъ заболѣетъ, его окружаютъ знахари, знахарки, невѣжественныя, выжившія изъ ума старухи, изъ которыхъ каждая предлагаетъ свое средство, дѣлаютъ надъ несчастнымъ ребенкомъ всевозможные опыты, пичкаютъ его, Богъ знаетъ, чѣмъ, произносятъ заклинанія, заговоры; доктора приглашаютъ только тогда, когда всѣ эти средства окажутся неэффективными, и болѣзнь приметъ угрожающій характеръ. Тогда будутъ обвинять доктора, что онъ не сумѣлъ спасти ребенка!

Когда же дитя подрастетъ и начнетъ понимать человеческую рѣчь, онъ попадетъ какъ бы въ школу суевѣрія и нелѣпѣйшихъ предрассудковъ, которые усваиваетъ съ дѣтской воспримчивостью и бессознательно сохраняетъ въ теченіе всей жизни: извѣстно, что впечатлѣнія дѣтства наиболѣе сильны и неизгладимы. Всѣ его продѣлки, подчасъ самыя жестокія, безнравственныя и вредныя, не обращаютъ на себя никакого вниманія родителей и остаются безнаказанными, и въ то же время самыя невинныя его шалости вызываютъ окрики и жестокія наказанія: засвиститъ ли онъ, забывшись, въ комнату—въ этомъ видятъ дурное предзнаменованіе; начнетъ ли качать порожнюю колыбель своего младшаго братишки, на него накинута съ бранью, потому что увѣрены, что отъ качанія пустой колыбели дитя не будетъ жить. Когда придетъ постъ, ребенку не даютъ молока, а на его разпросы по поводу этого отказа въ обычной пищѣ и на его слезы, вмѣсто правильнаго объясненія, даютъ нелѣпый отвѣтъ: „молоко улетѣло на березку“, причемъ показываютъ на перваго попавшагося воробья. „Будешь есть скоромное—будетъ у тебя рябая невѣста“. Можно себѣ представить, какой сумбуръ въ головѣ у ребенка получается отъ такихъ „объясненій“, и что ему останется еще дѣлать, какъ не брать всѣ эти несообразности на вѣру, какъ мудрость, недоступную его пониманію, и, придя въ зрѣлый возрастъ, повторять ихъ своимъ дѣтямъ съ тѣмъ же успѣхомъ.

Такимъ-то образомъ жизнь простолюдина, съ колыбели до могилы, протекаетъ среди предразсудковъ, сопровождающихъ его на каждомъ шагу. Вотъ для такихъ-то людей гораздо труднѣе избавить своихъ дѣтей отъ пагубнаго вліянія заразителнаго примѣра, нежели тѣмъ семьямъ, о которыхъ было сказано выше. Здѣсь надо начать воспитаніе съ самого себя, проникнувшиѣмъ сознаниѣмъ того вреда, который происходитъ отъ суевѣрныхъ заблужденій.

Мы постараемся, по мѣрѣ силъ, помочь читателю уяснить себѣ этотъ вредъ и указать средства отъ него избавиться, для чего, впрочемъ, намъ придется не много прибавить къ уже сказанному выше. Внимательный читатель, навѣрное, могъ уже убѣдиться, что прежде всего въ суевѣріи заключается тяжкій грѣхъ. Читателю уже извѣстно, что очень многія повѣрія представляютъ собою остатки полузабытой языческой религіи, что особенно относится до вѣры въ домовыхъ, русалокъ, оборотней и проч., существованія которыхъ не признаетъ христіанская церковь. Стало-быть, тотъ, кто вѣритъ въ ихъ существованіе, недостойнъ называться христіаниномъ, а скорѣе есть язычникъ.

Другой грѣхъ, заключающійся въ суевѣріи, это — богохульство. Въ самомъ дѣлѣ, среди повѣрій есть очень многія, въ которыхъ имя Господне, названія святыхъ или священныхъ предметовъ произносятся безъ всякой надобности и должнаго благоговѣнія. Таково дикое повѣріе, что встрѣча съ духовнымъ лицомъ сулитъ несчастіе, благодаря чему нѣкоторые при такой встрѣчѣ отплеиваются, обнаруживая тѣмъ величайшее неуваженіе къ высокому духовному сану. Особенно это относится до заговоровъ, въ которыхъ почти всегда упоминается имя Божіе или какого-нибудь святого рядомъ и наравнѣ съ безсмысленными словами и заклинаніями. Вотъ заговоръ „отъ звиху“ (отъ вывиха), распространенный на Украинѣ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Весь-недесъ, на сынему мори лежить камень билый, на билому камени кто-сь сидыть, высижа, изъ жовтои кости цвиль выкликає; жовтая кость левовъ

духъ; якъ у льву духъ не держится, то щобъ такъ у жовромъ косты раба Божьяго звихъ не держався. Мыколаю угоднику, скорый помощнику, мисяцу ясный, князю прекрасный, стань мени у помощь, у первый разъ, у третій разъ. Аминь“. Иногда заговоръ имѣетъ форму молитвы, что легко можетъ ввести незнающаго человѣка въ невольный грѣхъ, какъ, напримѣръ, слѣдующій заговоръ противъ укушенія змѣй: „Молитвъ ради Пречистыя твоея Матери благодарный свѣтъ міра, отступи отъ меня, нечестивый, змѣя злая, подкодная, гадина люта, снѣдающая людей и скотъ; яко комары отъ облаковъ растекаются, такониты, опухоль злая, разоидись, растянись отъ раба Божія (такого-то). Всѣ святые и всѣ монастырскіе братья, иноки, отшельники, постники и сухоядцы, чудовные святые лики, станьте мнѣ помощь, яко во дни, тако и въ нощи, во всякомъ мѣстѣ, рабу Божьему (такого-то). Аминь“.

Большинство заговоровъ при томъ служатъ якобы для достиженія предметовъ, которые и сами по себѣ предосудительны, грѣховны, особенно заговоры для призванія и отогнанія нечистой силы, любовные, остудные, на разженіе дѣвичьяго сердца, на тоску по дѣвицѣ, на разлученіе, на присушеніе, на кулачный бой и проч. (см. ниже, въ прибавленіи). Въ большинствѣ суевѣрій сказывается неправильное пониманіе истиннаго ученія церкви. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, въ какой священной книгѣ, въ какихъ церковныхъ правилахъ вычитали, что убившему змѣю простятся 40 грѣховъ, а проводившему 40 покойниковъ — 3 грѣха, что вдовѣ нельзя быть въ церквѣ при вѣнчаніи, что „грѣшно“ купаться послѣ Ильина дня, что отъ зубной боли нужно молиться св. Антипію, отъ головной — Іоанну Предтечѣ, отъ запоя — Вонифатію, о сохраненіи цѣломудрія — Мартиміану, о свиньяхъ — Василію Великому, а о гусяхъ — св. муч. Никитѣ. Какъ будто не всѣ святые угодники одинаково слышать молитву, произносимую съ вѣрой! Все это есть пустыя выдумки, проистекающія отъ непониманія истинъ христіанскаго ученія и незнанія церковныхъ правилъ, а потому и составляетъ грѣхъ для каждого христіа-

нина, обязаннаго быть знакомымъ съ вѣроученіемъ, къ которому онъ принадлежитъ.

Суевѣрный человѣкъ грѣшитъ еще и тѣмъ, что, придавая значеніе пустымъ примѣрамъ, забываетъ о томъ, что судьба человѣка зависитъ не отъ этихъ случайностей, и отъ Промысла Божьяго, и его собственной свободной воли. Вообще суевѣрный человѣкъ неминуемо искажаетъ свою духовную природу, разстраиваетъ свои умственные силы, убиваетъ въ себѣ волю, энергію. Въ самомъ дѣлѣ, наши духовныя силы растутъ и крѣпнутъ отъ упражненія въ правильномъ, логическомъ мышленіи, но именно суевѣрный человѣкъ никогда не размышляетъ должнымъ образомъ, ибо у него на все готовъ разъ на всегда усвоенный уродливый взглядъ, которымъ онъ и довольствуется, несмотря на его нелѣпость. Между тѣмъ свободная воля и разумъ вложены въ насъ Создателемъ, и обязанность каждаго христіанина совершенствовать ихъ, а никакъ не унижать въ себѣ этотъ „образъ и подобіе Божіе“.

Несомнѣнно, что суевѣрный человѣкъ силою и рядомъ вредитъ самому себѣ матеріально: будучи увѣренъ, на основаніи благопріятныхъ примѣтъ, въ ожидающую его удачу, онъ становится безпеченъ, небреженъ къ дѣлу, и оттого проигрываетъ, въ случаѣ же плохихъ примѣтъ онъ падаетъ духомъ, считая всякое сопротивленіе судьбѣ бесполезнымъ, тогда какъ, взявшись за умъ во-время, онъ могъ бы выйти изъ затруднительнаго положенія. Нерѣдко суевѣріе ведетъ къ самымъ ужаснымъ преступленіямъ. Какое множество ни въ чемъ неповинныхъ людей погибло на кострахъ въ Западной Европѣ въ эпоху развитія тамъ религіознаго фанатизма, которую принято называть Средними вѣками,—погибло за то только, что ихъ считали вѣдьмами или колдунами. Да и у насъ на Руси бывали такіе случаи. На Украинѣ сохраняется слѣдующее преданіе, взятое изъ актовъ и, слѣдовательно, весьма достоверное. Злая и пьяная баба, поссорившись съ сосѣдкою, пришла въ судъ и объявила, что та украла росу. По справкамъ оказалось, что наканунѣ росы дѣйствительно не было, и что обвиняемая

должно быть вѣдьма. Ее соягли. Проспавшись, баба припла-
въ судъ каяться, что поклепала на сосѣдку, а судьи, услы-
шавъ это, пожали плечами, и ударили объ полы руками, ска-
завъ: „отъ тоби разъ!“

Естественно, что суевѣрный человѣкъ, привыкши мы-
слить по одному шаблону, всегда будетъ сопротивляться вся-
кому полезному нововведенію. Когда наше правительство за-
хотѣло познакомить крестьянское населеніе съ употребленіемъ
и пользою картофеля, то вызвало этимъ цѣлое волненіе, — а
теньрь картофель составляетъ едва ли не самую главную пищу
крестьянъ. Такъ же враждебно отнеслись многіе къ желѣз-
нымъ дорогамъ, появившимся у насъ съ 40-хъ годовъ, видя
въ нихъ дѣйствіе нечистой силы. До сихъ поръ у насъ по
деревнямъ не мало невѣждъ, которые противятся прививанію
дѣтямъ оспы, называя эту операцію наложеніемъ „антихри-
стовой печати“. И до такой степени предразсудки иногда овла-
дѣваютъ человѣкомъ, что онъ какъ бы отказывается отъ
своей воли, становится ихъ рабомъ, жалкимъ и смѣшнымъ
въ то же время! Мы знавали одного коридорнаго, состояв-
шаго при солидныхъ и очень чисто содержимыхъ мебелиро-
ванныхъ комнатахъ, въ которыхъ, однако, къ удивленію, ни-
когда не переводились черные тараканы. Оказалось, что ко-
ридорный, считая преступленіемъ истреблять таракановъ, такъ
какъ они, по повѣрію, приносятъ счастье и богатство, всячески
оберегалъ ихъ и постоянно носилъ нѣсколько штукъ у себя
за пазухой. Извѣстенъ предразсудокъ, по которому подъ ста-
рость не надо дѣлать себѣ никакихъ обновъ во избѣжаніе
скорой смерти. По этому поводу В. Даль рассказываетъ объ
одной старушкѣ, вельможѣ прошлаго вѣка, жившей въ Мо-
сквѣ, которая лѣтъ 20 не шила на себя бѣлья и ни за что не
соглашалась къ этому, считая всякаго, кто ей объ этомъ го-
ворилъ, смертельнымъ врагомъ своимъ, и ходила въ такомъ
бѣльѣ, на которомъ, кромѣ заплатъ, не оставалось ничего.
Намъ извѣстна была одна старушка, которая до смерти боя-
лась увидѣть молодой мѣсяцъ слѣва и, прежде чѣмъ взгля-

нута на него, всегда повертывалась такъ, чтобы онъ пришелся съ правой стороны, обманывая такимъ образомъ самую себя. Вотъ до какихъ смѣшныхъ крайностей можетъ доходить человѣкъ подъ вліяніемъ предразсудковъ! Мы не ошибемся послѣ этого, если скажемъ, что суевѣрный человѣкъ въ одно и то же время грѣховенъ и вреденъ для общества, смѣшонъ и жалокъ!

А между тѣмъ вовсе нетрудно избавиться отъ этого недостатка при искреннемъ желаніи это сдѣлать. Здѣсь, какъ и при всякомъ недугѣ, приходится обратить вниманіе на его причины и на нихъ воздѣйствовать. Этихъ причинъ въ данномъ случаѣ три. Прежде всего, конечно, — невѣжество, которое всегда и неизбѣжно рождаетъ предразсудки и суевѣрія. Поэтому — развивать свой умъ и обогащаться познаніями — вотъ первое средство избѣжать этого недостатка — средство доступное для каждаго грамотнаго человѣка, потому, что здѣсь важно не количество свѣдѣній, не ученость, многимъ недоступная, а самое желаніе знать, самое стремленіе къ усовершенствованію своего ума, которое, однажды зародившись, не позволить уже довольствоваться ходячими предразсудками.

Другой источникъ ложныхъ убѣжденій это — не вполне забытое язычество. Въ этомъ случаѣ лучшее средство — усвоеніе и правильное пониманіе христіанскаго ученія — средство, конечно, доступное каждому, даже и не грамотному, ибо всюду есть пастыри церкви, готовые разъяснять истины вѣры каждому желающему.

Наконецъ, желающій освободиться отъ власти предразсудковъ долженъ ознакомиться съ содержаніемъ наиболѣе распространенныхъ изъ нихъ, собственнымъ наблюденіемъ на опытъ или путемъ размышленія убѣдиться въ ихъ нелѣпости и выяснить ихъ истинное происхожденіе. Вотъ въ этомъ-то случаѣ, намъ думается, читателю небезполезна будетъ наша книжка и особенно слѣдующая ея глава, къ которой мы и переходимъ.

ГЛАВА III.

Взглядъ на нѣкоторыя суевѣрія.—Лѣшій, домовой. вѣдьма. русалки. оборотни и т. п.

Теперь, послѣ общихъ соображеній, высказанныхъ нами выше, мы обратимся къ разбору наиболѣе распространенныхъ повѣрій, при чемъ мы вовсе не задаемся цѣлью представить ихъ всѣ, какъ нелѣпыя, незаслуживающія вниманія заблужденія. Какъ уже сказано выше, есть повѣрія, основанныя на правильномъ наблюденіи, въ которыхъ содержится несомнѣнная истина, указать на которую составляетъ между прочимъ нашу задачу. Мы надѣемся, что разборъ такого рода несравненно полезнѣе для читателя, нежели огульное и голословное отрицаніе.

Мы начнемъ съ вѣровапія въ тѣхъ существъ, которыя нѣкогда составляли предметъ религіознаго почитанія. Во времена христіанства народъ пересталъ считать ихъ за боговъ, но по привычкѣ и невѣжеству своему до сихъ поръ не пересталъ вѣрить въ ихъ существованіе. Предстояло, слѣдовательно, объяснить, кто же они, эти существа и откуда они возникли? Для объясненія этого выдуманы были народомъ всевозможныя басни. Обыкновенно ихъ происхожденіе объясняютъ слѣд. образомъ: При Вавилонскомъ столпотвореніи Богъ рѣшилъ смѣшеніемъ языковъ наказать людей, дерзнувшихъ противъ Его величія. Главныхъ же его зачинщиковъ онъ ли-

шилъ Своего образа и подобія, назначилъ сторожить лѣса, воды, дома и т. д. И вотъ, кто въ эту минуту находился дома, сдѣлался домовымъ, кто въ горахъ — горнымъ духомъ, въ лѣсу — лѣшимъ. Этой выдумкой народъ хотѣлъ помирить свои языческія вѣрованія и воспоминанія съ новою христіанскою религіею. — Но посмотримъ, какъ народная фантазія изображаетъ этихъ духовъ и какія повѣрія съ ними связаны.

Домовой, котораго иначе называютъ домовикомъ, дѣдушкой, по народному повѣрію, есть духъ, живущій въ каждомъ домѣ, обыкновенно въ подпольѣ, съ мышами. Послѣднее можетъ быть объяснено тѣмъ, что отчаянная возня мышей производитъ иногда шорохъ и шумъ, способный поддержать вѣру въ существованіе домового. Его представляютъ себѣ въ образѣ рослаго мужика въ зипунѣ, а лѣтомъ въ рубахѣ, всегда босикомъ и безъ шапки, съ сѣдой бородой и косматыми застилающими лицо волосами; подошвы у него косматые, что замѣтно бываетъ по слѣду, оставляемому имъ на снѣгу, возлѣ конюшни. Послѣднее повѣріе наглядно доказываетъ, какъ склоненъ суевѣрный человѣкъ видѣть нѣчто сверхъестественное въ самыхъ простыхъ вещахъ: слѣды домового — просто-напросто слѣды какого-нибудь животнаго: волка, собаки и т. п., но „у страха глаза велики!“ По ночамъ, когда человѣкъ спитъ глубокимъ сномъ, домовый щиплется, отъ чего на тѣлѣ остаются синяки — повѣріе, легко объясняемое тѣмъ, что синяки очень легко пріобрѣтаются, особенно людьми рабочими, которые сплосъ и рядомъ ушибаются незамѣтно или забываютъ объ этомъ и потомъ, увидавъ синякъ, удивляются и видятъ въ немъ продѣлку домового. Иногда же, вскочивъ сонному на грудь, онъ душитъ его, впрочемъ, только для забавы, но никогда не на смерть: „домовой душилъ“, — такъ невѣжественные и суевѣрные люди объясняютъ у насъ состояніе кошмара, происходящее отъ неправильнаго положенія тѣла во снѣ, приливовъ крови къ головѣ, нервнаго разстройства и другихъ естественныхъ причинъ. При этомъ повѣріе прибавляетъ, что

отогнать его можно только какой-либо, бранью. И это немудрено: кто может въ этотъ моментъ выбраться, тотъ, вѣроятно, не испытываетъ слишкомъ сильнаго удушья и быстро освобождается отъ него, думая, что и дѣйствительно прогналъ домового бранью. Домовой очень любитъ иногда шумѣть въ домѣ, стучить, топаеть, хлопать дверьми, бросаетъ чѣмъ попало, никогда, впрочемъ, не попадая въ человѣка. Ясно, что этими проказами домового суевѣрный трусъ объясняетъ себѣ всякіе неожиданные звуки, происходящіе отъ случайныхъ причинъ: хлопнувшей отъ вѣтру двери, упавшаго отъ незамѣтнаго сотрясенія или отъ толчка пробѣжавшей кошки непрочнаго стоявшаго предмета и т. д. Недаромъ такого рода шутки домовой производитъ только на чердакѣ, въ чуланѣ и вообще въ порожней половинѣ дома и преимущественно ночью. И понятно: если подобныя вещи происходятъ днемъ, у всѣхъ на глазахъ, то они не рожаютъ страха, никого не удивляютъ и для объясненія ихъ не приходится прибѣгать къ домовому.

Но особенно любитъ домовой проказничать въ конюшнѣ, съ лошадьми. Если лошадь ему понравится, онъ ее чиститъ скребницей, гладитъ, заплетаетъ хвостъ и гриву; если же не полюбится, то не даетъ ей ѣсть, таскаетъ за уши, свиваетъ гриву въ колтунъ, гоняетъ по ночамъ и ставитъ въ стойло взгнузданною. Всѣ эти выдумки охотно поддерживаются кучерами и конюхами, которымъ они на руку, и мы уже приводили случаи подобнаго злоупотребленія. Говорятъ, что домовой не выносить козла, котораго потому и считаютъ полезнымъ держать въ конюшнѣ. Дѣло въ томъ, что козель своимъ присутствіемъ и специфическимъ запахомъ отгоняетъ ласочку и другихъ мелкихъ животныхъ, вредныхъ для лошадей.

Какъ видитъ читатель, каждое изъ повѣрій, связанныхъ съ домовымъ, можетъ быть объяснено самымъ естественнымъ

образомъ и безъ его помощи. Но въ народѣ существуетъ повѣріе, что домового можно увидѣть и собственными глазами. Для этого нужно скатать такую свѣчу, которой бы хватило простоять въ пятницу у Страстей, а въ субботу и воскресенье — у заутрени. Тогда, въ Свѣтлое Воскресеніе, между утреней и обѣдней, надо итти съ этой зажженной свѣчей въ хлѣвъ, гдѣ и увидишь дѣдушку-домового, притаивнагося въ углу. Относительно этой выдумки можно сказать только, что человѣку сусвѣрному и трусливому, съ разстроеннымъ воображеніемъ, да еще порядкомъ выпившему, какъ оно часто случается въ праздникъ, въ полутемномъ хлѣву можетъ померещиться все, что угодно. Мы же готовы поспорить, что сколько бы разъ мы ни повторили этотъ опытъ, намъ никогда не удалось бы поговорить съ этимъ проказникомъ по той причинѣ, что онъ существуетъ только въ воображеніи сусвѣрнаго труса, а никакъ не въ дѣйствительности.

Вѣдьма почти то же, что и знахарка, какъ показываетъ самое слово, происходящее отъ „вѣдать“, или зная, откуда и слово „знахарь“, „знахарка“. Однако, не каждую знахарку народъ считаетъ вѣдьмой: знахарка—обыкновенная женщина, знающая цѣлебную силу травъ и заговоровъ; вѣдьма же — существо болѣе сверхъестественное: она всегда знаетъ съ нечистой силой, она злодѣйка, и никому не дѣлаетъ добра. Впрочемъ, она живетъ съ людьми и ничѣмъ не отличается отъ каждой женщины, кромѣ небольшого хвостика, который составляетъ непремѣнную принадлежность настоящей вѣдьмы. Съ помощью нечистой силы и черезъ посредство разныхъ чаръ, травъ, лягушечьихъ костей и черной кошки, она можетъ ночью улетать черезъ трубу на помелѣ или ухватѣ и летать по воздуху. Она умѣетъ превращаться во что угодно, для чего должна перекувырнуться черезъ 12 ножей. Въ извѣстные дни, особенно на Ивана Купалу, вѣдьмы слетаются цѣлой толпой на шабангъ, т. е. праздникъ, гдѣ предаются

разнымъ неистовствамъ и необузданному разврату. Все это объясняется тѣмъ, что „колдуны“ или „колдуньи“, желая получить способность странствовать и летать по воздуху, натираются на ночь различными „чудесными“ мазями: черемичей, бѣленой, дурманомъ, аконитомъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ сильно опьяняющее, наркотическое или возбуждающее чувственность дѣйствіе. Въ этомъ состояніи ихъ посѣщаютъ самаго фантастическаго или сладострастнаго содержанія сновидѣнія, и, просыпаясь, они бываютъ увѣрены, что дѣйствительно летали по воздуху или присутствовали на шабашѣ вѣдьмъ.

У насъ вѣрованіе въ вѣдьмъ особенно распространено въ Малороссіи. Тамъ существуетъ повѣріе, что онѣ облюбовали Лысую гору (или Чертово беремище, подъ Кіевомъ), куда слетаются для совѣщанія съ нечистой силой о томъ, какъ дѣлать зло человѣку. Надо полагать, что на этой горѣ въ старину существовало капище, куда сходились языческіе жрецы для молитвы и жертвоприношенія, почему эта гора и стала считаться излюбленнымъ мѣстопребываніемъ вѣдьмъ. Отсюда видно, что теперешнія вѣдьмы не что иное, какъ забытыя злыя языческія богини или ихъ жрицы.

Изъ вѣрованія въ существованіе вѣдьмъ истекаетъ множество дикихъ и непонятныхъ предразсудковъ. Такъ, вѣдьмѣ приписываютъ силу „портить“ дѣвицъ и парней, выдаивать молоко у коровъ, для чего ей нужно только воткнуть ножъ въ соху, и изъ него потечетъ молоко любой, задуманной ею коровы. Дѣло въ томъ, что очень часто корова теряетъ молоко по непонятной для свѣдущаго человѣка причинѣ, а суевѣрная хозяйка приписываетъ эту потерю дѣйствію вѣдьмы. Разсказываютъ, что вѣдьмы бродятъ по свѣту и послѣ смерти, во избѣжаніе чего надо вбить въ ея могилу колы. Онѣ очень любятъ превращаться въ сорокъ, но нѣкогда св. Алексѣй, митропол. Московскій, заклалъ подъ видомъ со-

роки вѣдѣму, и оттого съ тѣхъ поръ не видать сорокъ на Москвѣ. Много и другихъ расказней ходить про вѣдѣмъ, и всѣ эти небылицы поддерживаются въ народѣ знахарями изъ корыстныхъ цѣлей. Нерѣдко крестьяне замѣчаютъ въ полѣ или на лугу зеленые или желтые круги. Знахарь начинаетъ ихъ увѣрять, что онъ самъ видѣлъ, какъ ночью вѣдѣмы плясали на этихъ кругахъ. Распустивъ такой слухъ, знахарь ежедневно принимаетъ посѣтителей, которые являюся къ нему съ деньгами и подарками, прося защиты отъ вѣдѣмъ. Обобравши, какъ слѣдуетъ, своихъ односельчанъ, знахарь идетъ въ поле, сканываетъ круги,—и все кончается благополучно. Вообще, нѣтъ ничего легче, какъ запугать и провести суевѣрнаго человѣка, и это одна изъ причинъ, почему самые нелѣпые предразсудки такъ упорно держатся въ нашемъ народѣ.

Русалка есть также созданіе народной фантазіи, образовавшееся изъ языческаго вѣрованія въ существованіе особыхъ божествъ, населявшихъ озера, рѣки, ручьи. Но въ христіанскія времена объ этихъ божествахъ забыли, и происхожденіе русалокъ стали объяснять различнымъ образомъ. На Украинѣ ихъ считаютъ дѣвочками, умершими безъ крещенія, въ другихъ мѣстностяхъ—дѣвушками, утонувшими, купаясь безъ креста, или утащенными водянымъ. Послѣдній считается большакомъ надъ русалками и представляется въ видѣ нагого старика, покрытаго тиной, который живетъ постоянно въ водѣ и только по ночамъ выходитъ на берегъ. Онъ очень любитъ сома и ѣздитъ на немъ, почему въ народѣ считается непозволительнымъ ѣсть эту рыбу, потому что она — „чертовъ конь“. Народъ представляетъ себѣ водяного довольно робкимъ старикомъ. Онъ бываетъ смѣлъ только въ омутѣ, куда утаскиваетъ купающихся безъ креста, иногда портить мельницы и разрываетъ плотины. Впрочемъ, довольно трудно составить себѣ ясное понятіе о томъ, какъ рисуется въ народномъ воображеніи водяной, потому что

самая вѣра въ его существованіе исчезаетъ, и трудно встрѣтить крестьянина, который бы „самъ видѣлъ“ водяного.—Говоря о русалкахъ, интересно замѣтить, что у насъ въ Велико-росіи и особенно на сѣверѣ, ее представляютъ себѣ злой, опасной и безобразной бабой; наоборотъ, на Украинѣ, подъ благодатнымъ южнымъ небомъ, гдѣ и природа и люди выглядятъ веселѣе и жизнерадостнѣе. — тамъ и русалка представляется въ образѣ шаловливой, стройной, молодой и соблазнительно красивой дѣвушки. Уже изъ этого видно, что русалка не болѣе, какъ созданіе народной фантазіи, ибо отражаетъ на себѣ даже характеръ создаваемаго ея народа. По повѣрію, русалки ходятъ нагія, съ распущенными волосами зеленаго цвѣта. Пока русалка чешетъ ихъ, съ нея все время бѣжитъ вода; когда же на ней высохнутъ волосы — она умираетъ. Точно также пока бѣжитъ шаловливый ручеекъ, весело журча и оживляя окрестности,—зеленыя водоросли, длинными нитями, какъ расчесанныя косы, тянутся и стелются вслѣдъ за его теченіемъ; но высохъ, погибъ ручеекъ, — и на днѣ его русла остается только неподвижная, сухая, пожелтѣвшая трава! Такимъ образомъ русалка является здѣсь не болѣе, какъ живымъ, нагляднымъ изображеніемъ жизни ручья или рѣчки, поэтическимъ созданіемъ народной фантазіи. А между тѣмъ вѣра въ ихъ существованіе упорно держится въ народѣ до сихъ поръ, и имъ приписываются различныя продѣлки. Сказываютъ, что онѣ, выходя изъ воды, рѣзвятся на берегу при лунномъ свѣтѣ, хохочутъ, поютъ, плянцуютъ, качаются на вѣтвяхъ прибрежныхъ ракушекъ, а если заманятъ къ себѣ молодца, то для потѣхи защекочутъ его до смерти: онѣ очень тоскуютъ безъ мужчинъ, и потому всѣми силами стараются соблазнить и залучить молодца къ себѣ. Особенною свободою, по народному повѣрію, русалки пользуются въ первую недѣлю за Троицынымъ днемъ, въ такъ называемую русальную недѣлю. Это ложное убѣжденіе такъ сильно развито у крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей,

что иные въ эти дни боятся даже подходить къ водѣ. На Украинѣ же въ это время устраиваются разныя игры въ честь русалокъ, которыя образовались, вѣроятно, изъ прежнихъ языческихъ празднествъ въ честь рѣчныхъ боговъ. Но эти празднества были забыты и обратились въ простыя увеселенія.

Лѣшій, или лѣсовикъ, власть котораго ограничивается лѣсами и который, по народному повѣрію, живетъ въ густыхъ камышахъ и лѣсныхъ тущобахъ, является человѣку въ различныхъ видахъ, но чаще всего въ образѣ дряхлаго старика. Вѣра въ лѣшаго, какъ и во всѣхъ, выше приведенныхъ существъ, основывается на языческомъ вѣрованіи въ особое божество, управлявшее лѣсомъ, въ которое вѣрили древніе славяне, а также греки и римляне подъ именемъ Фавна, Сатира. Хотя народъ уже не видитъ въ немъ божества, но не перестаетъ еще вѣрить въ его существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ лѣсу, который у насъ иногда тянется на нѣсколько десятковъ верстъ, такъ много своеобразной жизни: подъ сводами вѣковыхъ дубовъ и сосенъ господствуетъ таинственный полумракъ, и торжественная тишина часто оглашается неожиданными страшными звуками — крикомъ звѣря или филина, трескомъ унавашаго гиганта-дерева; тамъ такъ легко сбиться съ пути и, проплутавъ цѣлый день, опять очутиться, къ ужасу своему, на прежнемъ мѣстѣ... Вотъ эти-то особенности лѣсной природы и поддерживаютъ вѣру въ существованіе лѣшаго и въ его продѣлки: по народному повѣрію, онъ любитъ кричать въ лѣсу, заводить, сбивать съ пути и, когда это удастся, хохочетъ и хлопаетъ въ ладоши.

Оборотень, или вовкулака, — существо, которое мечется подъ ноги, перебѣгаетъ дорогу, принимая самыя разнообразныя формы, то въ видѣ собаки, кошки, совы, то въ видѣ клубка нитокъ, комка сѣна или камня, но всегда такъ быстро, что его нельзя разсмотрѣть. Днемъ его очень рѣдко при-

ходится видѣть, но онъ гуляетъ и проказничаетъ въ сумерки и особенно ночью. Отсюда ясно, что суевѣрные и трусливые люди считаютъ обратнемъ все то, чего они не разглядѣли или чего внезапно испугались, что, конечно, особенно часто бываетъ въ сумерки или ночью. Словомъ, если мужикъ видѣть что-нибудь, но самъ не знаетъ что, то это, навѣрно, и быть оборотень.

Г Л А В А IV.

О гаданіяхъ.—Знахарство.—Заговоръ.

Знахарство, колдовство и ворожба — понятія, довольно близкія между собою, однако далеко нетождественныя. Народъ подъ знахаремъ разумѣть человѣка, который умѣетъ отводить или слизывать сглазъ, снимать порчу, излѣчивать болѣзни, угадывать вора и т. п., тогда какъ колдунъ, или вѣдунъ, по народному повѣрію, всегда вѣдается, подобно вѣдмѣ, съ нечистой силой и прибѣгаетъ къ ея чарамъ. Впрочемъ, мы должны замѣтить, что, къ счастью, вѣра въ колдовство, какъ наиболѣе грубое проявленіе язычества, почти совсѣмъ исчезла даже изъ глухихъ уголковъ нашего отечества, исключая развѣ его отдаленныхъ сѣверн. и восточн. окраинъ, гдѣ населеніе еще придерживается язычества. Что касается третьяго изъ перечисленныхъ выше вѣрованій—ворожбы, то подъ нимъ разумѣютъ обыкновенно только гаданіе, способность отгадывать. причемъ народъ эту способность вовсе не приписываетъ нечистой силѣ, а просто вѣрить въ особый даръ предвидѣнія, не пытаясь объяснять этого явленія. И мы должны признаться, что въ данномъ случаѣ непосредственное чувство не совсѣмъ его обманываетъ. Теперь можно считать несомнѣнно доказаннымъ, что нѣкоторые люди обладаютъ способностью предвидѣть или, лучше сказать, предчувствовать будущее и предсказывать его. Повидимому, это явленіе

находится въ связи съ особымъ, гипнотическимъ, какъ его называютъ, состояніемъ временнаго, болѣзненнаго или искусственно вызваннаго крайняго напряженія и подъема чловѣческаго духа надъ повседневымъ, будничнымъ міромъ. Но это состояніе еще слишкомъ мало изучено и лишь недавно стало достояніемъ науки. Поэтому въ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ надо быть особенно осторожнымъ. Однако, мы смѣло выскажемъ наше крайнее убѣжденіе въ томъ, что всѣ обычные и, къ сожалѣнію столь широко распространенные, особенно въ нашихъ деревняхъ, виды гаданія, ворожбы, снотолкованія—суть не что иное, какъ самое беззастѣнчивое и наглое шарлатанство, производимое въ расчетъ на легкую наживу, на эксплуатацію суевѣрной, темной массы деревенскаго люда. Нашъ совѣтъ каждому — никогда не прибѣгать къ помощи ворожей и снотолкователей. Иногда обманъ, къ которому прибѣгаютъ гадатели, бываетъ чрезвычайно простъ, и только слишкомъ наивные, неразвитые или ослѣвленные суевѣріемъ люди могутъ его не замѣчать. Удала разсказывается случай, какъ офицеръ, желая уличить нѣкоего Карпа, котораго онъ подозрѣвалъ въ кражѣ, „собралъ мужиковъ въ избу и объявилъ имъ, что у него есть волшебная стрѣлка, которая сама укажетъ на вора. Заставивъ всѣхъ мужиковъ напередъ перекреститься, сложить шапки въ кучу и повернуться по солнцу, онъ разставилъ ихъ, какъ ему нужно было, вынулъ свой компасъ и далъ свободу стрѣлкѣ: мужики со страхомъ глядѣли на волшебную стрѣлку, которая, къ ихъ безконечному изумленію, указала прямо на Карпа, поставленнаго нарочно на сѣверъ. Карпъ едва не обмеръ, палъ въ ноги и повинился“. Надо замѣтить вообще, что иные изъ людей, посвятившихъ себя этому ремеслу, отличаются большими способностями, хитрымъ, изворотливымъ и проницательнымъ умомъ и, постигая истину чутьемъ, наугадъ, являются въ глазахъ толпы существами, одаренными таинственными, сверхъестественными силами, тѣмъ болѣе, что гадатели, для отвода

глазъ, прибѣгають обыкновенно къ таинственнымъ средствамъ, въ родѣ сушеннаго волчьяго сердца, медвѣжьяго мяса и т. п.

Что касается снотолкователей, то это, конечно, простые шарлатаны, хотя мы и не отрицаемъ возможности „вѣщихъ“ сновъ. Мы лично и очень близко знаемъ особу, которая передъ полученіемъ отъ кого-либо письма почти постоянно видитъ наканунѣ это лицо во снѣ, а иногда и какое-либо событіе, дѣйствительно сбывающееся въ скоромъ времени. Однако, несомнѣнно то, что подобные случаи и лица очень рѣдки: ихъ способность есть результатъ особаго болѣзненнаго, невротическаго состоянія. Сны же у большинства здоровыхъ людей бываютъ обыкновенно слѣдствіемъ событій, думъ или бесѣдъ въ теченіе прожитаго дня, или же обуславливаются физическими причинами, особенно приливомъ крови къ той или другой части мозга, изъ которыхъ каждая завѣдуетъ какимъ-либо однимъ направленіемъ душевной жизни.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о святочныхъ гаданіяхъ. Гаданіе вообще ведетъ свое начало со временемъ язычества, когда вѣрили, что божества открываютъ жрецамъ свою волю черезъ гаданія. Для христіанина же, который вѣритъ въ благой Промыселъ Божиій, гаданіе есть занятіе грѣховное, тѣмъ болѣе въ праздникъ. Большинство, впрочемъ, смотритъ на святочные гаданія какъ на игру, забаву, но есть люди, которые и вѣрятъ въ нихъ. Гаданія эти чрезвычайно разнообразны: строятъ изъ лучинъ надъ чашкой воды мостикъ и ставятъ его подъ кровать—суженый приснится и поведетъ по мосту; кладутъ гребень подъ подушкой—суженый почешется и оставитъ волосокъ, ставятъ два прибора въ банѣ, дѣвушка садится къ полуночи, и суженый является ужинать; ставятъ зеркало и свѣчи, дѣвушка спитъ передъ ними и должна увидѣть суженаго; бросаютъ башмачекъ за ворота—куда ляжетъ носкомъ, туда итти дѣвужкѣ; пускаютъ пѣтуха, и къ кому онъ подойдетъ, тому

итти замужъ или жениться; подслушиваютъ подъ окнами и изъ этого выводятъ заключеніе о будущемъ; выливаютъ олово, воскъ, жгутъ бумагу и смотрятъ на тѣнь, даваемую этими предметами на стѣнѣ.—Иныя изъ этихъ гаданій весьма невиннаго свойства и, какъ забава, могутъ быть допущены, хотя людямъ, особенно впечатлительнымъ и нервнымъ, мы не совѣтуемъ заниматься этимъ. Бывали случаи, когда молодые люди, особенно нервныя дѣвицы, впадали въ полное уныніе, заболѣвали нервной горячкою отъ испуга, увидѣвъ тѣнь въ видѣ гроба и заключая отсюда и близости своей смерти. Особенно опасно въ этомъ отношеніи гаданіе съ зеркаломъ, которое обыкновенно производится въ полномъ одиночествѣ, когда подъ вліяніемъ ожиданія, страха и напряженія зрѣнія на одной точкѣ у гадающей являются самыя ужасныя галлюцинаціи, способныя оказать гибельное послѣдствіе на нервную систему—нервный ударъ подъ вліяніемъ испуга.

Теперь намъ слѣдуетъ поговорить объ одномъ явленіи, которое столько же пагубно и печально, сколько и распространено среди нашего темнаго люда—о явленіи, съ которымъ, по нашему мнѣнію, долженъ бороться каждый благомыслящій человѣкъ. Это явленіе—знахарство и съ нимъ вѣра въ силу заговора. Выше мы уже говорили, что разумѣетъ народъ подъ именамъ знахаря. Кто, живя въ деревнѣ, не слышалъ о знахаряхъ, знахаркахъ, къ которымъ наніъ крестьянинъ прибѣгаетъ во всѣхъ особенно затруднительныхъ случаяхъ его жизни, и преимущественно въ болѣзняхъ. Только съ недавнихъ поръ народъ сталъ понемногу покидать это заблужденіе и оказывать видимое предпочтеніе врачамъ и медицинской наукѣ. Но недалеко то время, когда знахарь былъ въ деревнѣ единственнымъ докторомъ, человѣкомъ, пользующимся всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Мы, не обинуясь, скажемъ, что знахарство, въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ сейчасъ, есть не что иное, какъ наглое шарлатанство, проистекающее изъ желанія поживиться насчетъ легковѣрной публики. Исключенія очень рѣдки: если бываютъ случаи дѣй-

ствительной помощи, оказываемой знахарями, то они объясняются гипнотическимъ состояніемъ, дѣйствіемъ внушенія или примѣненіемъ при заговорѣ цѣлебныхъ травъ, лѣчебное свойство которыхъ давно, хотя и бессознательно, подмѣчено народомъ. Извѣстно, что весьма многія народныя средства, бывшія прежде предметомъ осмѣянія, въ настоящее время признаны наукой и вошли во всеобщее употребленіе. Иныя изъ народныхъ средствъ еще не нашли себѣ научнаго объясненія, хотя они, быть можетъ, и дѣйствительны. Вотъ, на примѣръ, народное средство, въ отличномъ дѣйствіи котораго В. Даль убѣдился на основаніи 30 случаевъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. „Передъ приступомъ лихорадки обкладываютъ мизинецъ лѣвой руки внутренней пленкой сырого куриного яйца, а чтобы уберечь ее, обматываютъ палецъ тряпочкой. Я—говорилъ Даль—былъ однажды свидѣтелемъ, гдѣ опытный врачъ приходилъ въ отчаяніе отъ не дѣйствительности аптечныхъ средствъ противъ злой лихорадки, и яичная пленка спасла больную! Вотъ примѣръ такого явленія, которое и не могло бы, кажется, заслуживать никакой вѣры; множество разумниковъ готовы кричать „вздоръ“, но я попрошу изслѣдовать дѣло на опытѣ, а потомъ судить и писать приговоръ“. Мы лично знаемъ случаи, когда молодая дѣвушка находилась при смерти отъ опухоли въ горлѣ, грозившей задушеніемъ; старушка-мать, бывшая большимъ знатокомъ въ народной медицинѣ, прибѣгла къ самому простому средству: она обложила горло больной дочери селедкой, и на другой день — болѣзнь какъ рукой сняло. Однако мы утверждаемъ, что громадное большинство народныхъ средствъ—выдумки, не заслуживающія ни малѣйшаго довѣрія. Вотъ, на примѣръ, какъ совѣтуютъ поступать отъ ячменя: самый младшій изъ братьевъ и сестеръ долженъ показать кукишъ больному глазу, но чтобы никого при томъ не было: иные совѣтуютъ говорить при этомъ: „Ячмень, ячмень, вотъ тебѣ кукишъ,—что захочешь, то себѣ купишь; купи себѣ за порокъ, переселись поперекъ“; приговаривая это трижды, про-

вести по ячменю пальцемъ. Отъ желтухи берутъ въ руку живую щуку и глядятъ на нее до тѣхъ поръ, пока она не уснетъ; грыжу предлагаютъ мазать конскимъ мозгомъ или собачьей кровью; отъ зубной боли — „змѣю живую добыть, вынуть изъ нея желчь изъ живой, а буде змѣя безъ желчи съ того мѣста сползла, и той желчью мазать, и въ тотъ часъ жерви (черви) пропадутъ, а буде съ того мѣста змѣя безъ желчи не ползеть—и въ той желчи нѣтъ пособія“. Отъ брюшныхъ болѣзней употребляютъ слѣдующее дикое средство. Знахарь требуетъ миску, пеньки и кружку. Миску съ водою ставитъ большой на животъ, пеньку зажигаетъ и горящей пенькой обматываетъ больную. Ожоги на тѣлѣ больной приписываютъ знахари тому что черезъ обожженное мѣсто выходитъ болѣзнь, которая тутъ находилась; пеньку послѣ того знахарь кладетъ въ кружку, а кружку въ миску и начинаются наговоры въ то время, какъ больная вопить отъ боли, а окружающіе считаютъ этотъ вопль удаленіемъ нечистой силы. Въ прибавленіи читатель найдетъ не менѣе дикое средство, употребляемое въ Архангельской губ. при родахъ.

Невольно задаешься вопросомъ, какимъ образомъ подобный вздоръ можетъ пользоваться довѣріемъ и удерживаться въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Здѣсь прежде всего дѣйствуютъ тѣ же общія причины живучести народныхъ суевѣрій, о которыхъ было говорено выше. Эти причины суть привычка съ которой бороться трудно, особенно для темнаго человѣка, невѣжество, умственная неразвитость, наконецъ, склонность приписывать подобному шарлатанству особое значеніе, разъ оно, хотя бы благодаря простой случайности, оказалось дѣйствительнымъ средствомъ и яко бы принесло исцѣленіе. Всѣ люди склонны къ извѣстной логической ошибкѣ, благодаря которой между двумя событіями, слѣдовавшими непосредственно одно за другимъ, они находятъ всегда причинную связь, хотя бы это совпаденіе по времени было простою случайностью. Спросите любого суевѣрнаго человѣка, почему

онъ думаетъ, что больному помогло именно средство знахаря, что это „очевидно“, потому что „послѣ этого“ больному сдѣлалось лучше. Наконецъ, здѣсь дѣйствуетъ еще одинъ мотивъ—психологическаго характера: человѣкъ, попавшій въ безысходную бѣду, какъ хватающійся за соломинку утопающій, придумываетъ хоть что-нибудь, лишь бы не оставаться празднымъ и успокоить свою совѣсть подавiемъ мнимой помощи. При этомъ нерѣдко бываетъ, что при заговорѣ отъ болѣзни даются дѣйствительныя врачевныя средства, какими, какъ сказано, въ изобилiи обладаетъ народная медицина. Такъ, упоминаемое нами выше средство успокоить кричащаго младенца можетъ оказаться дѣйствительнымъ, потому что маковая вода имѣетъ, какъ извѣстно, снотворное дѣйствiе. Не проще ли дать ему этой воды, не прибѣгая къ помощи знахаря, бессмысленныхъ нашептыванiй и безцѣльнаго тасканiя ребенка на чердакъ? Но суевѣрный человѣкъ охотнѣе вѣрить въ средство, если оно скрыто подъ таинственной личиной заговора. Мы въ подобныхъ случаяхъ рекомендуемъ, не относясь съ презрѣнiемъ къ самому средству, безусловно откинуть всю ту шарлатанскую обстановку, которою сопровождается его приѣмъ, а главное — обходиться безъ помощи знахаря. Лишенiе пациентовъ, а слѣдовательно, и доходовъ, скорѣе всего освободить общество отъ этой язвы, отъ этого наслѣдiя языческихъ временъ. Приглашенiе знахарей, ихъ шутовскiя манипуляцiи и продолжительныя нашептыванiя часто очень вредны, потому что оставляютъ больного безъ разумной помощи въ самую нужную минуту; особенно при переломахъ, вывихахъ, гдѣ для предотвращенiя дурныхъ послѣдствiй необходимо быстрое, немедленное вмѣшательство опытнаго костоправа или хирурга. Народъ, какъ сказано, совершенно превратно оцѣниваетъ помощь знахаря: онъ видитъ ее именно въ тѣхъ бессмысленныхъ словахъ, которыя тотъ бормочетъ, а вовсе не въ тѣхъ медикаментахъ, которые онъ даетъ больному. Теперь съ несомнѣнностью доказано, что вѣра въ предлагаемое средство, въ самого врача—

имѣть огромное значеніе во врачебномъ дѣлѣ. Явленіе это опять-таки находится въ связи съ гипнотизмомъ, какъ врачебнымъ средствомъ; твердая увѣренность, что лѣкарство окажетъ несомнѣнную пользу, имѣетъ то же дѣйствіе, что и внушеніе, производимое съ помощью гипнотизера, съ тою только разницею, что это будетъ скорѣе самовнушеніе. Недаромъ и въ народѣ существуетъ повѣріе, что заговоръ дѣйствуетъ только на вѣрующаго въ него. При томъ народъ вѣритъ, что успѣхъ въ своемъ дѣлѣ имѣетъ только тотъ, кто умѣетъ произносить заговоръ, какъ слѣдуетъ—съ чувствомъ и съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ пріемовъ и обрядовъ. Онъ вѣритъ, слѣдовательно, въ силу духа, въ возможность воздѣйствія одной воли на другую и въ таинственныя, еще неизвѣстныя силы природы. Въ примѣръ и доказательство нашей мысли мы приведемъ слѣдующій случай заимствуемый нами изъ сочиненій Дала. „Молодой человѣкъ, безъ памяти влюбившійся въ дѣвушку, очень ясно понималъ, что она ему не можетъ быть четою. Ему долго казалось, что въ безкорыстной страсти его нѣтъ ничего преступнаго, что онъ счастливъ и доволенъ однимъ этимъ чувствомъ. Но, съ теченіемъ времени все болѣе убѣждаясь въ невозможности соединиться бракомъ съ возлюбленной, онъ воспользовался совѣтами добрыхъ людей — искать помощи въ таинственныхъ чарахъ: встать на самой зарѣ, выйти, не умывшись, въ чисто поле, умыться росю съ семи травъ, дошедши до мельницы спросить у мельника топоръ, сѣсть на бревно верхомъ, положить на него передъ собою щенку, проговорить заговоръ, глядя на эту щенку, и, поднявъ топоръ выше головы, при послѣднемъ словѣ: „и не быть ей въ умѣ, въ помыслѣ моемъ, на ретивомъ сердцѣ, въ буйной головкѣ, какъ не срастись щенѣ перерубленной,—аминь“, ударить сильно топоромъ со всего размаха, пересѣчь щенку пополамъ, кинуть топоръ влѣво отъ себя и бѣжать безъ оглядки выправо, домой, крестясь дорогой, но не оглядываться: станеть легко. И что же — благородная рѣшимость молодого че-

ловѣка въ этомъ безтолковомъ средствѣ нанѣла сильную podporу. Онъ возвратился отъ мельницы веселый, спокойный. Вслѣдъ затѣмъ онъ возвратилъ дѣвицѣ полученную отъ нея записку нераспечатанной. И съ этого дня о несчастной любви не было болѣе и рѣчи!“—Мы прибавимъ, что подобныхъ случаевъ множество, почему мы и не рѣшаемся вовсе отрицать дѣйствіе заговоровъ. Трудно допустить, чтобы повѣріе, пережившее многія столѣтія, не содержало въ себѣ никакого толку и смысла. Задача заключается не въ томъ, чтобы осмѣять или голословно отвергнуть то или другое повѣріе, а въ томъ, чтобы составить о немъ правильное понятіе и поступать сообразно съ здравымъ убѣжденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ мы знаемъ истинныя причины воздѣйствія заговора, мы уже не будемъ относиться къ этому средству съ суевѣрнымъ страхомъ и прибѣгать къ нему кстати и некстати, не будемъ также прибѣгать къ деревенскимъ шарлатанамъ, которые сами не отдають себѣ отчета въ томъ, что дѣлають, но обратимся къ врачу, психіатру, разъ рѣшили лѣчиться внушеніемъ. Этимъ мы избѣжимъ множества дурныхъ послѣдствій, связанныхъ съ суевѣрнымъ преклоненіемъ передъ знахарствомъ и заговорами. Надо сказать, что то и другое есть излюбленное средство нашего простонародья, которое прибѣгаетъ къ нимъ въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни, очень часто тамъ, гдѣ они совершенно неумѣстны, гдѣ ни о какомъ внушеніи не можетъ быть и рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, заговоры чрезвычайно разнообразны по отношенію къ тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ они примѣняются. Такъ, существуютъ заговоры отъ всевозможныхъ болѣзней, заговоры воинскіе, любовные—приворотные и отворотные, на присущеніе, отъ тоски, отъ полового безсилія; заговоры на пчелъ, охотничьи, торговые, отъ нечистой силы, отъ сглазу и порчи, и даже заговоры, помогающіе яко бы добиться успѣха у начальства—такъ назыв. „подходные“. Многіе изъ нихъ весьма непристойнаго содержанія, въ другихъ рядомъ съ бессмысленными или позорными словами упоминается имя Божіе

или святыхъ, такъ какъ они обыкновенно сопровождаются молитвой или краткимъ обращеніемъ къ Богу, такъ что прибѣгать къ нимъ не только бесполезно, но для христіанна—грѣшно и позорно.

До какой степени народъ увѣренъ, что главную роль играть именно слова заговора, правильность и полнота его произношенія, показываетъ слѣдующее преданіе, существующее въ народѣ: „Нѣкто заговорился отъ ружья, отъ пули свинцовой, мѣдной, чугунной, желѣзной, стальной, крылатой, пернатой, а отъ серебряной и золотой—позабылъ. Это узнали и убили его серебряной пулькой“. Подобное отношеніе къ заговору есть, конечно, заблужденіе, но частица правды и здѣсь есть. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительны именно слова, а не медикаменты, даваемые при заговорѣ. Но сила заключается вовсе не въ томъ наборѣ словъ, какой именно слѣдуетъ произвести въ томъ или другомъ случаѣ, и не въ порядкѣ этихъ словъ, а въ томъ настроеніи, съ которымъ они произносятся и выслушиваются больными.

Съ вѣрою въ силу заговора связано не мало другихъ суевѣрій. Существуетъ, напримѣръ, повѣріе, что передать силу заговора можно только младшему по возрасту. Если кто обнаружитъ заговоръ гласно, то лишится способности заговаривать, и заговоръ въ его устахъ обратится въ пустыя слова. Много значить, по народному повѣрію, чтобы у знахаря были цѣлы зубы, иначе заговоръ его не будетъ имѣть силы. Поклѣннее было, вѣроятно, когда-нибудь придумано для изъясненія неуспѣха заговора и, конечно, не имѣетъ никакого смысла само по себѣ. Какому врачу, въ случаѣ неуспѣшности внушенія, придетъ въ голову ссылаться для оправданія на свои плохіе зубы! Чтобы знахарь не слишкомъ злоупотреблялъ своимъ дарованіемъ для эксплуатаціи ближнихъ, народъ придумалъ оговорку, что человѣкъ, употребившій заговоръ въ зло, теряетъ способность заговаривать: жалкое оружіе, съ помощью котораго невѣжественный человѣкъ

Повѣрія и предрасудки.

тается защититься отъ эксплуатаціи своего невѣжества. Многіе заговоры считаютъ нужнымъ почему-то читать натошакъ, другіе—на порогъ или въ чистомъ полѣ, лицомъ къ востоку, по легкимъ днямъ (вторникъ, среда, суббота); иные читаются на вѣтеръ, на воду, на пряникъ, надъ березовыми сучьями и т. п. Все это, конечно, шарлатанскіе приемы, приуманные съ цѣлью подѣйствовать на воображеніе и возбудить довѣріе.

Что касается содержанія, формы, состава и различныхъ видовъ заговоровъ — интересующійся читатель найдетъ это въ нижеслѣдующемъ прибавленіи, заключающемъ въ себѣ собраніе наиболѣе распространенныхъ у насъ заговоровъ.

Прибавленіе.

Г Л А В А V.

ЗАГОВОРЫ.

Заговоры отъ истеченія крови. Отъ порѣза: На морѣ на океанѣ на островѣ на Буянѣ лежитъ бѣль горючъ камень Алатырь. На томъ камнѣ Алатырь сидитъ красная дѣвица, швея-мастерица, держитъ иглу булатную, вдѣваетъ нитку шелковую, руда желтую, зашиваетъ раны кровавыя. Заговариваю я раба (такого-то) отъ порѣза. Булатъ прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань.

Заговорить кровь: Фу ты, Боже мой, ни крови, ни раны—чистая рана—ни синей опухоли. Ни ножомъ не сѣклось, ни топоромъ, никакимъ инструментомъ, и нѣтъ у раба Божія (имя рекъ) ни щикоты, ни ломоты, ни синей опухоли.

Чтобы не шла кровь изъ раны: Баба шла по дорогѣ, собаку вела за собой; баба пала, собака пропала; руда стань, больше не кань.

Заговоры о тоскѣ. Заговоръ красной дѣвицы отъ тоски: Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, отъ пути до перепутья пролегала путь дороженька, всѣмъ

дорогамъ старшая, больная. По той дорогѣ шли дщери Продовы, несли въ рукахъ пруты Ивовы. А шли они въ міръ кости сушить, тѣло знобить, недугами мучить. Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря среди бѣлокаменной Москвы стоитъ теремъ боярскій; въ томъ теремѣ боярскомъ сидитъ красная дѣвица въ тоскѣ, по незнакомой бѣдѣ. Вы, дщери Продовы, не ходите по пути по дороженькѣ, на міръ кости знобить, тѣло сушить, людей мучить, а идите вы во чисто поле на травушку, со муравушкой, да на ту травушку, гдѣ сидитъ тоска со кручиной, и велите вы тоскѣ со кручиной, чтобы онѣ изгнали изъ ретива сердца красной дѣвицы, у рабѣ (такой-то) наносную тоску, а не покориться вамъ тоска, ино вы учните бить во пруты Ивовы. Заговариваю симъ моимъ заговоромъ крѣпко-на-крѣпко. А кто мой заговоръ возодолѣетъ, и ему провалиться сквозь тарь-тарары.

Заговоры отъ задумчивости и печали. Крестъ, крестомъ крестъ. Человѣкъ родился, крестъ водрузился и сатана связался, Богъ прославился, во имя Отца и Сына и Св. Духа, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, (напиши крестъ и въ немъ сии слова и говѣсь на крестѣ).

Заговоры воинскіе. Заговоръ отъ ратныхъ орудій: Летѣлъ орелъ изъ-за хвалынскаго моря, разбросать кремни и кремницы по крутымъ берегамъ; кинулъ громовую стрѣлу ва сырую землю, и какъ отродилася отъ кремня и кремницы искра отъ громовой стрѣлы—поломя, и какъ выходила грозная туча и какъ проливалъ сильный дождь, при чемъ покорились и поклонились селитра, порохъ, смирнымъ-смирнехонько. Какъ дождь воды не пробилъ, такъ бы меня (такого-то) и моего коня искры и пули не пробивали, и тѣло мое было бы крѣпче бѣлаго камня. Слово мое крѣпко!

Заговоръ ратнаго человека, идущаго на войну: Встану я рано, утренней зарею, умоюсь холодной водою, утрусь сырой землей, завалюсь за каменной стѣной Кремлевской. Ты, стѣна

Кремлевская, бей враговъ, супостатовъ, дюжихъ татаръ, злыхъ татарченковъ, а былъ бы изъ нея цѣлъ и невредимъ. Тягу я поздно, вечерней зарей, на сырой зарѣ, во стану ратномъ есть могучіе богатыри княжей породы изъ дальнихъ странъ соратной Русской земли. Вы, богатыри могучи, перебейте татаръ, полоните всю татарскую землю, а я былъ бы изъ-за васъ цѣлъ и невредимъ. Иду я во кровавую рать татарскую, бью враговъ и супостатовъ, а былъ бы я цѣлъ и невредимъ. Вы раны тяжелыя не болите, вы, раны бойцовъ, меня не губите вы, пищали, меня не десятирите, а былъ бы я цѣлъ и невредимъ. Заговариваю я раба (такого-то) ратнаго человѣка, идущаго на войну симъ моимъ крѣпкимъ наговоромъ. Чуръ, слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ!

Заговоры любовные. *Заговоръ молодца на любовь красной дѣвицы:* На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ тоска, бьется тоска, убивается тоска, съ доски въ воду, изъ воды въ полмя, изъ полмя выбѣгалъ сатанина, кричить „Павушка Романея, бѣги поскорѣе, дуй рабъ (такой-то) въ губы, въ зубы, въ ея кости и пакости, въ ея тѣло бѣлое, въ ея сердце ретивое, въ ея печень черную, чтобы раба (такая-то) тосковала всякій часъ, всякую минуту, по полудню, по полуночамъ, ѣла бы не заѣла бы, пила бы не запила, спала бы, не заспала, а все бы тосковала, чтобы я ей былъ лучше чужого молодца, лучше родного отца, лучше родной матери, лучше роду-племени. Замыкаю свой заговоръ 77-ю замками 77-ю цѣпиями, бросаю ключи въ Окіанъ-море, подъ бѣлъ горючъ камень Алатырь. Кто мудренѣе меня взыщется, кто перетаскаетъ несокъ со всего моря, тотъ отгонитъ тоску.

На разжженіе дѣвичьяго сердца: Встану, я рабъ Божій (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь изъ избы двѣрями, изъ двора — воротами въ чистое поле, погляжу я, посмотрю подъ восточную сторону. Подъ восточной стороной стоять есть 3 печи: печка мѣдная, печка желѣзная, печка кирпич-

ная. Какъ онѣ разожглись, распалились отъ неба до земли, такъ бы разжигало у рабы Божіей (имя рекъ) къ рабу Божьему (имя рекъ), легкое, печень и кровь горячу; не можно бы ей ни жить, ни быть, ни ѣсть, ни пить, ни стать, ни лежать — все на умѣ меня держать. Недоговорено переговорено, прострѣлите мои слова пуше востраго ножа и рысѣяго когтя.

Для присухи мужчины: Изъ свѣтлаго вѣника берется прутокъ, который кладутъ на порогъ двери, въ которую пройдетъ тотъ, для кого назначена присуха. Какъ только перешагнуть черезъ пруть, то пруть убирается въ такое мѣсто, гдѣ его никто не могъ бы видѣть. Потомъ берутъ пруть и кладутъ въ жарко натопленной банѣ на полоть, приговаривая: Какъ сохнетъ этотъ пруть, пускай сохнетъ по мнѣ рабъ Божій (такой-то).

На разжженіе сердца у дѣвицы: Встану не благословясь, поиду не перекрестясь въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ терновъ кустъ, а въ томъ кусту сидитъ толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь тебѣ, толстой бабѣ, сатаниной угодницѣ, и отступлюсь отъ отца и отъ матери, отъ роду и племени. Поди, толстая баба, разожги у красной дѣвицы сердце по мнѣ рабѣ (имя рекъ).

На прилученіе парня: Поиду я въ чистое поле; есть въ чистомъ полѣ бѣлый кречеть; попрошу я бѣлаго кречета — слетать бы онъ въ чистое поле, въ синее море, въ крутыя горы, въ темныя лѣса, въ зыбучія болота и попроситъ бы онъ окаянную силу, чтобы дала она ему помощь сходить ему въ высокій теремъ и застать его хоня бы середка темной ночи соннаго; съѣтъ бы бѣлый кречеть на бѣлую грудь, на ретивое сердце, на горячую печень и вложитъ бы рабу Божію (имя рекъ) изъ своихъ окаянныхъ устъ, чтобы онъ не могъ безъ рабы Божіей (имя рекъ) ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть.

На людскую любовь: Стану я, рабъ Божій, поутру благословясь и перекрестясь; выйду я на чисто поле, погляжу на

всѣ четыре стороны: на восточной сторонѣ стоитъ святая церковь, какъ на эту церковь смотреть и зарятся, такъ бы на раба Божія смотрѣли и зарились старыя старухи, старые старики, маленькіе ребята, красныя дѣвицы, молодыя молодницы, смотрѣли и зарились на раба Божія (имя рекъ). Будьте слова мои крѣпки и емки, какъ ключи подземельные. Аминь.

Заговоры остудные, противолюбовные. *На остуду между молодымъ и дѣвицей:* Какъ мать быстра рѣчка Волга течетъ, какъ пески со песками споласкиваются, какъ кусты со кустами свиваются, такъ бы рабъ (такой-то) не водился съ рабою (такой-то) не въ любовь, ни въ юность, ни въ ярость. Какъ въ темной темницѣ и въ кѣлѣвницѣ есть не жить простоволосымъ, долговолосымъ и глаза вынучивши, такъ бы раба (такая-то) казалась ему (такому-то) простоволосой и долговолосой и глаза вынучивши. Какъ у кошки съ собакой, у собаки съ росомахой, такъ бы и у раба (такого-то) съ рабою (такой-то) не было согласія ни днемъ, ни ночью, ни утромъ, ни въ полдень, ни въ набѣдокъ. Слово мое крѣпко.

Заговоръ на остуду между мужемъ и женою: Стану я не благословясь, пойду не перекрестясь ни дверьми, ни воротами, а дымнымъ окномъ, да подвальнымъ бревномъ; положу шапку подъ пята, подъ пята не на сыру землю, да въ черный чоботъ, а въ томъ чоботѣ побѣгу я въ темный лѣсъ, на большо озерище; въ томъ озерищѣ плыветъ челнище, въ томъ челнищѣ сидитъ чертъ съ чертищей. Швырну я съ подъ пята шапку въ чертище. Что ты, чертище, сидишь въ челнищѣ со своей чертищей. Сидишь ты, чертище, прочь лицомъ отъ своей чертищи; поиди ты, чертище, къ людямъ въ пепелище; посели, чертище, свою чертицу, къ такому-то въ избище, не какъ ты, чертище, съ своей чертищей живутъ людиша мирно любовно, другъ друга любятъ, чужихъ ненавидятъ. Ты чертище, вели чертищѣ, чтобы она, чертище, распустила волосища; какъ жила она съ тобой въ челнищѣ, такъ жилъ бы такой-то со своей женой въ избищѣ: чтобы онъ ее нена-

видѣлъ; не походя, не подступя разлилась бы его ненависть по всему сердцу, а у ней по тѣлу, на рожество; не могла бы ему ни въ чемъ угодить и опротивѣла бы ему своей красотой, омерзѣла бы ему всѣмъ тѣломъ. Какъ легко мнѣ будетъ отступить отъ тебя, какъ легко достать шапку изъ озерича тебѣ, чертицу хранить шапку въ озеричѣ отъ рыбы, отъ рыбака, отъ злого колдуна, чтобы не могли ее ни рыбы съѣсть, ни рыбака достать, ни злой колдунъ отколдовать на миръ и на ладь. И вмѣсто рукописи кровной отдаю тебѣ я слюну.

Наговоръ на разлученіе: Чортъ идетъ водой, волкъ идетъ горой, они вмѣстѣ не сходятся, думы не думаютъ, плоды не плодятъ, плодовыхъ рѣчей не говорятъ, такъ бы у раба Божія (такого-то) мыслей не мыслили, плодовъ не плодили, плодовыхъ рѣчей не говорили, а все бы какъ кошка да собака жили.

Заговоръ на остуду: Стану я рабъ (такой-то), не благословясь, и пойду, не перекрестясь, и пойду изъ избы не дверьми, изъ воротъ не воротами, выйду подвальнымъ бревномъ и дымнымъ окномъ въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ бѣжитъ рѣка черна, по той рѣкѣ черной ѣдетъ чортъ съ чертовкой и водяной съ водяничкой. На одномъ челнѣ не сидятъ и въ одно весло не гребутъ, одной думы не думаютъ и совѣтъ не совѣтуютъ, такъ бы рабъ Божій (такой-то) съ рабой Божьей (такая-то) на одной лавкѣ не сидѣли, въ одно бы окно не глядѣли, одной бы думы не думали, одного совѣта не совѣтывали. Собака бѣла, кошка сѣра — одинъ змѣиный духъ. Ключъ и замокъ словамъ моимъ.

Заговоры противъ нечистой силы. Заговоръ отъ дьявола: Отыди дьяволе отъ храму и отъ дому сего, отъ дверей и отъ всѣхъ четырехъ угловъ. Нѣтъ тебѣ, дьяволе, части и участья, мѣста и покою. Здѣсь крестъ Господень, Матерь Христова, Пресвятая Богородица, святыи Петръ, святыи евангелисты: Іоаннъ, Лука, Маркъ, Матфей, святыи архангелы: Михаилъ, Гавріиль, Рафаиль.

Силы небесныя ликовствуютъ, здѣсь святыя херувимы и серафимы, святыи Михаилъ нынѣ гла всей вселенныя, по нихъ же полки держитъ святыи Петръ, палицу держа, здѣсь рождество Предтечи, здѣсь тебѣ, дьяволе, нѣтъ части и участія, мѣста и покою. Не дѣлай пакости, дьяволе, всему мѣсту, и дому, и человѣку, и скоту, и всѣмъ рабамъ Божиимъ, бѣги отсюда въ адъ кромѣшный, гдѣ твой настоящіи пріютъ, и тамо да обрѣтайся. Слово мое крѣпко, яко камень. Аминь. Аминь. Аминь.

Заговоръ отъ змія, летающаго къ жень въ домъ: Во всемъ домѣ. гиллю-магаль—сидѣла Солнцева дѣва. Не теремъ златой—шингафа—искала дѣва, не богатырь могучъ изъ Новгорода подлетать, огненный змѣй. Лифъ, лифъ зауцапа, халапуда. А броня не мѣдяна, не злата, а ширинки на немъ не жемчужены, а шлемъ на немъ не изъ краснаго уклада, а колена стрѣла не изъ дѣдовскаго ларца. Пицано фукадалимо каройталима канафо. Полканъ, Полканъ, разбей ты огненнаго змѣя и соблюди дѣвичью красу Солнцевой дѣвы. Вихадимо гиллю магаль-дираръ. Изъ-за Хвалынскаго моря летѣлъ огненный змѣй во дальню деревушку по синему небу, во теремъ къ дѣвѣ: могучъ богатырь — Шнялда-Шнбула качила баранчихо дойцохо каранха дина. Во малиновомъ саду камка волжская, а на камкѣ дѣва мертвая со живою водою, съ лютой свекровью, со злымъ свекоромъ. Убить огненный змѣй разсыпаны перья по Хвалынскому морю, по сырому бору Муромскому, по медвяной росѣ, по утренней зарѣ. Яниха люйдега бираха вигло. А наѣхалъ злой татаринъ и взялъ во полонъ Солнцеву дѣву во Золотую Орду, ко лютому Мамаю, ко нехристу басурманскому, ко проклятому Барходею. Уяхама широфо.

Призываніе домового на новоселье: При переходѣ на житье въ нововыстроенный домъ, раскланиваясь на всѣ 4 угла избы, говорить: „Хозяинушка, господинъ, поидемъ въ

новый домъ, на богатый дворъ, на житье, на бытъе, на богатство!“

Заговоръ охотничій. *Для успѣха на охотѣ:* Въ чистомъ полѣ, въ темномъ лѣсѣ, въ туманѣ превеликомъ есть птица полетуша, есть сѣрые гуси и сизыя утки. У нихъ бы крылья подломились, сами бы опустились, перье оборвалось и сѣли бы на бугоръ высокій, чтобы меня раба Божія (имя рекъ) не видѣли и стрѣльбы моей не слышали и налетѣла бы на нихъ дробь, какъ вольное перо.

Заговоръ на уженье рыбы. Чтобы на удочку понадалась крупная рыба, поймавши маленькую рыбку, сѣкутъ съ приговоромъ: „Пошли отца, пошли мать, пошли тетку, пошли дядю и т. д.“. Пускаютъ обратно въ воду, освободивъ отъ крючка.

Заговоры отъ пьянства. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Хмель и вино отступись отъ раба Божія такого-то въ темные лѣса, гдѣ люди не ходятъ и кони не бродятъ и птица не летаетъ. Во имя Отца и Сына и Св. Духа (дважды). Хмель и вино, выходи на быструю воду, на которой водѣ люди не ѣздятъ. Отъ раба Божія (такого-то) хмель и вино поди на буіный вѣтеръ, который вѣтеръ по дальности ходитъ. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Привяжись къ лихому человѣку, который (на такого-то) лихо думаетъ. Къ тому привяжись, который добра не сдѣлаетъ. Отъ меня во вѣки отвяжись. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.

Отъ запоя: Заря зарница, красная дѣвица, сама мати и царица, свѣтелъ мѣсяцъ, ясныя звѣзды, возьмите у меня бессонницу, бездремотницу, полуночницу. Среди ночи приди ко мнѣ хоть красной дѣвицей, хоть матерью царицей и сложи съ меня окаянную силу и дай мнѣ Спасову руку, Богородицынъ замокъ. Ангелъ мой, архангелъ мой, сохрани душу мою, скрѣпи мое сердце, врагъ сатана откажись отъ меня.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Знаю святых зна-
меня.

Отъ похмелья: Господине еси хмель, буйная голова. Не
вѣлся внизъ головою, вѣлся посолонь, гдѣ тебя не
знаю, гдѣ ты живешь, верхъ сыра древа, лѣзи къ своему
господину въ мѣдныя бочки пивныя, какъ ни жить на огнѣ,
такъ на семъ человѣцѣ, лихія словеса (имя рекъ). Аще и
запьешь чашу сію, доколѣ мои словеса изъ меня всѣ изо-
шли, изъ его раба Божія (имя рекъ) похмелье, господине
хмель, какъ царь сядетъ во царствіи своемъ: тако и ты сиди
на мѣстѣ своемъ, гдѣ родился!

Заговоры отъ болѣзней. Отъ лихорадки: На горахъ ачон-
скихъ стоитъ дубъ мокрецкой, подъ тѣмъ дубомъ стоятъ три-
надесять старцевъ со старцемъ Пафнутіемъ. Идутъ къ нимъ
двѣнадесять дѣвицъ простоволосыхъ, простопоясыхъ, и рече
старецъ Пафнутій съ тремя надесять старцами: кто сѣи къ
намъ идоша? И рече ему двѣнадесять дѣвицъ: Есть мы царя
Прода дщери, идемъ на весь міръ кости знобить, тѣло му-
чить. И рече старецъ Пафнутій своимъ старцамъ: сломите
по три прута, тѣмъ станемъ ихъ бити по три зари утрен-
нихъ, по три зари вечернихъ. Возмолились двѣнадцать дѣвъ
и не почто же бысть ихъ молюба. И начаша ихъ старцы,
глаголя: ой, вы еси двѣнадесять дѣвицы! будьте вы трясу-
ницы, водяницы, разслабленныя и живете на водѣ студени-
цѣ, въ міръ не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте.
Побѣгоша 12 дѣвицъ къ водѣ студеницѣ, тресуницами, во-
дяницами, разслабленными. — Заговариваю я раба (такого-то)
отъ изсушенія лихорадки.

Отъ зубной боли: 1) Мѣсяцъ ты, мѣсяцъ, серебряны рож-
ки, златыя твои ножки. Сойди ты мѣсяцъ, сними мою зуб-
ную скорбь, унеси боль подъ облака, моя скорбь не мала, не
тяжка, а твоя сила могуча. Мнѣ скорби не перенестъ. Вотъ
зубы, вотъ два, вотъ три—всѣ твои; возьми мою скорбь. Мѣ-

сяцъ, ты мѣсяцъ, сокрой отъ меня свою скорбь. 2) Иду я не улицею, не дорогою, а по пустымъ переулкамъ, по оврагамъ, по каналамъ. Навстрѣчу мнѣ заяцъ. Заяцъ, ты заяцъ: гдѣ твои зубы? Отдай мнѣ свои, возьми мои. Иду я не путемъ дорогою, а сырымъ боромъ, темнымъ лѣсомъ. Навстрѣчу мнѣ сѣрый волкъ. Волкъ, ты сѣрый волкъ, гдѣ твои зубы? Вотъ тебѣ мои зубы, отдай мнѣ свои. Иду я не землею, не водою, а чистымъ полемъ, цвѣтнымъ лугомъ. Навстрѣчу мнѣ старая баба. Старая ты баба, гдѣ твои зубы? Возьми ты волчьи зубы, отдай свои выпалые. Заговариваю я зубы крѣпко-на-крѣпко у раба (такого-то), по сей день, по сей часъ и на вѣки вѣковъ.

Заговоръ отъ грыжи и отъ слазу: Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Сходить Егорій съ небесъ по золотой лѣстницѣ, сносить Егорій съ небесъ триста луковъ златоносовыхъ, триста стрѣлъ златоперыхъ и триста тетивъ златополосныхъ, и стрѣляетъ и отстрѣливаетъ у раба Божія (такого-то) уроки, прикосы, грыжи, баенной нечисти и отдаваетъ черному звѣрю, медвѣдю, на хребетъ: и понеси, черный звѣрь, медвѣдь, въ темные лѣса, въ зыбучія болота, чтобы въ вѣкъ не бывала ни въ день, ни въ ночь, во вѣки вѣковъ, аминь (три раза произносить и сплевывать трижды за каждымъ разомъ).

При родахъ: Бабка, входя въ дверь, къ больной говорить: „Отпирайте, отпирайте! Отперли, отперли. Запрягайте, запрягайте! Поѣзжайте, поѣзжайте! Поѣхали, поѣхали! ѣдутъ, ѣдутъ.“ Послѣ этого бабка беретъ квашню, замѣшиваетъ въ ней ржаное тѣсто и приговариваетъ: „Я тебя, квашночка, творю съ вечера до утра; тако бы рабищѣ Божіей (имя рекъ) мучиться одинъ часокъ минутный“. Послѣ этого даетъ больной принимать это тѣсто съ ложки. Если это не помогаетъ, тогда бабка шепчетъ на воду: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа: изъ города Іерусалима идетъ Іисусъ Христосъ, Мати родила Сына, Іисуса Христа, не болѣвши, не стонавши, и люди не слыжавши“—и даетъ эту воду пить родильницѣ.

Заговоръ отъ всякихъ недуговъ. Заговариваю я у раба Божія (такого-то) 12 скорбныхъ недуговъ: отъ трясовицы, отъ колючки, отъ свербежа, отъ стрѣльбы, отъ огневицы, отъ колотья, отъ дерганья, отъ морганья, отъ слѣпоты, отъ глухоты, отъ черной немочи. Ты, злая трясовица, уймись, а не то проклянѹ въ тарь-тарары. Ты, неугомонная колючка, остановись, а не то сошлю тебя въ преисподнія земли. Ты, свербежъ, прекратись, а не то утоплю тебя въ горячей водѣ; ты стрѣльба— а не то засмолю тебя въ смолѣ кипучей. Ты огневица, охладись, а не то заморожу тебя крещенскими морозами. Ты, ломоть, сожмись, а не то сокрушу тебя о камень. Ты, колотье, притупись, а не то распилю тебя на мелкія частички. Ты, дерганье, воротись, а не то запружу тобою платину на мельницѣ. Ты, морганье, окрутись, а не то въ печи банной засушу. Ты, слѣпота, скорчись, а не то утоплю тебя въ дѣтлю. Ты, глухота, исчезни, а не то засмолю тебя въ бочку и по морю пущу. Ты, черная немочь, отвяжись, а не то заставлю воду толочь. Всѣ недуги откажитесь, отвяжитесь, удалитесь отъ раба (такого-то) по сей часъ, по сей день, по его жизнь моимъ крѣпкимъ словомъ.

Заговоръ отъ болѣзней и падежа скота. Владыко Господи, Боже нашъ, власть имѣя всякой твари, Тебѣ молимъ, Тебѣ просимъ, якоже благословилъ и умножилъ еси стада патріарха Іакова, благослови и стадо скотъ сихъ (такого-то) и умножь и укрѣпи, сотвори его въ тысячу кратъ и избави его отъ насилія діавола и отъ иноплемennическаго нашествія, отъ плѣненія звѣремъ и всякаго навѣта враговъ, и отъ воздуха смертнаго, и губительнаго недуга, и повѣтреннаго падежа, и отъ звѣря хищнаго, и отъ гадины ядовитой. Огради его, ангелы Твоими святыми всякую немощь, всякую зависть и искушеніе, чаровства же и волшебства отъ дѣйства находящійся дьявольскаго отгоняй отъ него, яко Твое есть царство, и сила, и слава, Отца и Сына и Св. Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Заговоръ на торговлю: Дѣла. Господи, рекъ еси пречистыми уста Своими, яко безъ Меня не можете творити ничто же. Господи мой, Господи, вѣрою объемъ души нашей, помози мнѣ грѣшному, рабу Божію (такому-то) сію нашу жизнь торговлю, въ куплѣ, въ продажѣ, и мѣняльствѣ и во всемъ. Ты, Владыко, Господи, Самъ ее соверши во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Святой архангелъ Михаилъ, во Твое святое имя торгуемъ, спаси, сохрани и благослови своими святыми молитвами раба Божія (имя рекъ) начати и совершити счастливую и благополучную торговлю. Во имя Отца и Сына и Св. Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Заговоръ на подходъ къ начальству. 1) Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его. Коль былъ царь Давидъ смиренъ и кротокъ и милостивъ, такъ бы были у меня, раба Божія (такого-то), всѣ начальныя чиновныя люди и судьи праведныя смиренны, кротки и милостивы. 2) Господи благослови Отче, одѣясь свѣтомъ, яко ризою, покрывся облакомъ, препояшуся поясомъ Пресвятыя Богородицы, милостивыя заступницы. Свяжи уста и языкъ и горланъ у князей, и у бояри, и у правители, и у всякихъ властей и у приказныхъ служителей.

Заговоръ дѣвицъ, желающихъ замужъ. „Пресвятая Мати, Богородици, покрой мою голову краснымъ кокошникомъ, золотымъ подзатыльникомъ“ (произносится въ церкви въ праздникъ Покрова Пресв. Богородицы, 1-го октября). Или же молятся такъ: „Батюшка Покровъ, мою голову прикрой краснымъ повоинникомъ, золотымъ подзатыльникомъ“. Въ день великомученицы Параскевы, нареченной Пятницею, 28 октября, какъ и въ день Покрова, дѣвушки молятся: „Пятница Парасковей, пошли жениховъ поскорѣ“.

Заговоръ на покражу. На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ желѣзный сундукъ, а въ желѣзномъ сундукѣ

лежать ножи булатные. Подите вы, ножи булатные, къ такому-то къ сякому-то вору, рубите его тѣло, колите его сердце, чтобы онъ, воръ, воротилъ покражу (какого-то), чтобы онъ не утаилъ ни сина пороха, а выдалъ бы все сполна. Будь ты воръ, проклять моимъ сильнымъ заговоромъ въ землю преисподнюю, за горы Араратскія, въ смолу кипучую, въ золу горячую, въ тину болотную, въ плотину мельничную, въ домъ бездонный, въ кувшинъ банный. Будь прибитъ къ притолкѣ осиновымъ коломъ, изсушенъ суше травы, замороженъ пуще льда; окривѣй, охромѣй, ошалѣй, одеревянѣе, обезручѣй, оголодѣй, отощай, валяйся въ грязи, съ людьми не свыкайся и не своей смертью умри.

Оглавленіе.

Предисловіе	5	Стр	Заговоръ молодца на любовь красной дѣвицы	58	Стр
ГЛАВА I.			Заговоръ на разжженіе дѣвичьяго сердца	—	
Что такое повѣрія, суевѣрія, предрасудки и т. д. Какъ они возникли и развились Повѣрія и мошенничество	7		Заговоръ для присухи мужчины	54	
ГЛАВА II.			Заговоръ на прилученіе парня	—	
Значеніе повѣрій. Вредъ отъ нихъ. Совѣты, какъ противустоятъ имъ	21		Заговоръ на остуду между молодымъ и дѣвицею	55	
ГЛАВА III.			Заговоръ на остуду между мужемъ и женою	—	
Взглядъ на нѣкоторыя суевѣрія. Дѣшій, домовой, вѣдьма, русалки, оборотни и т. п.	31		Заговоръ на разлученіе	56	
ГЛАВА IV.			Заговоръ отъ нечистой силы	—	
О гаданіяхъ. Знахарство. Заговоръ	40		Заговоръ отъ змѣя, летающаго къ женѣ во дворъ	57	
ГЛАВА V.			Призываніе домового на новоселье	—	
ЗАГОВОРЫ.			Заговоръ для успѣха на охотѣ	58	
Отъ порѣза, заговорить кровь	51		Заговоръ на уженъе рыбы	—	
Заговоръ дѣвицы отъ тоски	52		Заговоръ отъ пьянства	—	
Заговоръ отъ задумчивости и печали	—		Заговоръ отъ запоя	—	
Заговоръ отъ ратнаго оружія	—		Заговоръ отъ похмелья	59	
Заговоръ ратнаго чело-вѣка, идущаго на войну	—		Заговоръ отъ болѣзни лихорадки	—	
			Заговоръ отъ зубной боли	—	
			Заговоръ отъ грыжи и слезу	60	
			Заговоръ при родахъ	—	
			Заговоръ отъ всякихъ недуговъ	61	
			Заговоръ отъ болѣзни и падежа скота	—	
			Заговоръ на торговлю	62	
			Заговоръ на подходъ къ начальству	—	
			Заговоръ дѣвицъ, желающихъ выйти замужъ	—	
			Заговоръ на погражу	—	

Роговская
Оснано